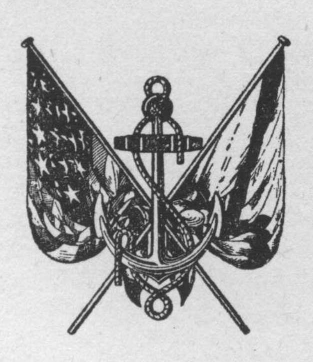
МОРСКІЯ ЗАПИСКИ.

THE NAVAL RECORDS.

Томъ III. № 4.

Volume III. № 4.

Изданіе Общества
бывшихъ Русскихъ Морскихъ
Офицеровъ въ Америкѣ, Инк.
Нью-Іоркъ.

Published by
the Association of Former
Russian Naval Officers
in America, Inc.
New York.

1945

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ.

Издаваемыя О-мъ б. Русскихъ Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ.
Подъ Редакціей
Ст. Лейт. С. В. Гладкаго.
3604 Бродвей, Нью-Іоркъ, С.Ш.А.

THE NAVAL RECORDS.

Published by the Association of Former Russian Naval Officers in America, Inc.
Serge V. Glad, Editor.
3604 Broadway, New York, N. Y.

Vol. III, № 4. Issued to members. Price $1. a copy. November 1945

Содержаніе:

Contents:

Адмиралъ А. И. Русинъ.

ПИСЬМА И ЗАМѢТКИ О ФЛОТѢ.
(Продолженіе.)*

5. Объ Адмиралѣ Г. П. Чухнинѣ и событіяхъ въ Севастополѣ въ 1906 г.

Статья П. Е. Стогова побудила меня постараться вспомнить описываемыя событія и личность Адмирала Чухнина, что было нелегко, т. к. я находился вдали отъ этихъ событій: сначала въ Манджуріи — на войнѣ; затѣмъ въ Америкѣ на мирныхъ переговорахъ, и, наконецъ, получилъ въ командованіе броненосецъ "Слава", съ командою распропагандированной.

Непосредственно съ Г. П. Чухнинымъ мнѣ не приходилось работать, служить, почему не могу о немъ судить по своимъ личнымъ наблюденіямъ, впечатлѣніямъ; хотя, конечно, я не разъ съ нимъ встрѣчался, въ разныхъ стадіяхъ своей службы и жизни. Главнымъ источникомъ для моего сужденія о личности Ад. Чухнина и о томъ, что и какъ произошло въ Севастополѣ и Черном. флотѣ, являются: жизнеописаніе Адм. Чухнина (книга изданная и составленная вдовою Адмирала) и фельетонъ въ Новомъ Времени, написанный госпожею Смирновой, въ отвѣтъ на статью генерала Меллеръ Закомельскаго. Насколько мнѣ вспоминается, суть полемики между генераломъ Меллеръ Закомельскимъ и г-жею Смирновой состояла въ томъ, что генералъ все подавленіе бунта приписалъ себѣ, а г-жа Смирнова утверждала и, повидимому, доказала, что все сдѣлалъ флотъ безъ участія генерала, т. к. на это не послѣдовало со стороны ген. Меллеръ Закомельскаго никакого возраженія. На фельетонъ Г-жи Смирновой мнѣ указалъ съ большимъ сочувствіемъ, можно сказать съ восторгомъ Н.Л. Кладо, мой товарищъ по выпуску изъ Мор. Училища, бывшій тогда въ отставкѣ и работавшій въ Нов. Времени. Онъ говорилъ, что г-жа Смирнова положила на обѣ лопатки генерала Меллеръ Зак. — Н. Л. Кладо былъ неустойчивыхъ политическихъ воззрѣній и скорѣе былъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ, лѣвыхъ взглядовъ и Шмидту симпатизировалъ.

О томъ, что Адм. Чухнинъ приказалъ караульному вывести стрѣлявшую въ него просительницу въ садъ и тамъ ее пристрѣлить (стр. 317) узнаю впервые; полагаю, что этотъ фактъ въ такомъ видѣ, если бы онъ имѣлъ мѣсто, невозможно было бы скрыть: революціонеры использовали бы этотъ цѣнный для нихъ фактъ и прокричали бы

---

*) См. "Морскія Записки" Т. III, вып. № 1.

о немъ на всю вселенную; между тѣмъ Н. Л. Кладо, работавшій въ Нов. Вр. ничего мнѣ не говорилъ, значитъ даже въ Нов. Вр. объ этомъ не знали. Послѣдовавшее вскорѣ убійство Адм. Чухнина даетъ основаніе предполагать, что революціонеры предпочитали видѣть другого адмирала на посту Главнаго Командира, и, слѣдовательно, не считали Адм. Чухнина столь растерявшимся, безвольнымъ и безцвѣтнымъ начальникомъ, какимъ можно его счесть, прочтя статью П. Е. Стогова. Адм. Чухнинъ былъ старше меня, по выпуску изъ Мор. Корпуса, вѣроятно лѣтъ на 20; когда я былъ въ оберъ офицерскихъ чинахъ, онъ былъ Штабъ-офицеромъ; когда я былъ Капитаномъ 2 ранга, онъ былъ Контръ-Адмиралъ. Въ Балт. флотѣ и на Дальнемъ Восотокѣ онъ пользовался репутаціей отличнаго мор. офицера, хорошаго командира корабля. Онъ привелъ изъ Балт. моря кажется кан. лодку Манджуръ на Дальній Востокъ; командовалъ крейсеромъ Памятъ Азова. Контръ-Адмираломъ былъ Командиромъ Владивостокскаго Порта, а затѣмъ получилъ въ командованіе отдѣльный отрядъ судовъ, возвращавшихся въ Балтійское море. Въ общемъ, за нимъ была репутація волевого, суроваго, разумнаго и честнаго въ денежныхъ дѣлахъ человѣка.

Когда общій упадокъ военнаго духа и дисциплины, въ военно-учебныхъ заведеніяхъ С. Петербурга, потребовалъ обратить вниманіе и на Морской Корпусъ, то Директоромъ Корпуса былъ назначенъ Адм. Чухнинъ, оставившій тамъ замѣтный слѣдъ, своими приказами по поднятію дисциплины и военнаго духа, среди воспитанниковъ Морского Корпуса.

Въ спискахъ флота, какъ мнѣ извѣстно, не было К. Адм. **Писарева**, а въ Черноморскомъ флотѣ служилъ Контръ Адмиралъ **Писаревскій**, который и былъ раненъ во время безпорядковъ (стр. 305).
(Казабланка, 4 апрѣля 1945 г.)

---

6. Отправленіе на конференцію союзниковъ въ Лондонѣ. Ноябрь, 1915г.

Отчасти эта статья *) является прелюдіей къ моему намѣренію постараться вспомнить о первой конференціи союзниковъ въ Лондонѣ, въ Ноябрѣ 1915 г. по инициативѣ Военнаго Министра Англіи Маршала Лорда Кичнера. Не знаю, удастся ли мнѣ это сдѣлать и кое-что набросать; сомнѣваюсь, не имѣя никакихъ замѣтокъ и записей. Также не состою въ перепискѣ съ лицами, бывшими тогда со мною въ Лондонѣ и которыя могли бы освѣжить мои воспоминанія о конференціи. Лица эти: General Sir Alfred Knox, бывшій военный агентъ при Великобританскомъ Посольствѣ въ СПБ. и Мор. Ген. Штаба К. 2 р.

*) См. ниже: П. Прозоровъ. Банка Ридженть. Ред.

Влад. Влад. Романовъ и Лейт. Ник. Павл. Любомiровъ.

Въ Сентябрѣ 1915 г. Мор. Министръ Ген. Ад. Адмиралъ Григоровичъ, говоритъ мнѣ, что Государь Императоръ избралъ меня на конференцію въ Лондонъ, вмѣсто Военнаго Министра Генерала А. А. Поливанова, при этомъ сказалъ: "Адмиралы имѣютъ навыкъ въ сношеніяхъ съ иностранцами, а поэтому адмиралъ Русинъ справится съ этою задачею". Адмиралъ Григоровичъ мнѣ сообщилъ, что я долженъ побывать у Военнаго Министра, чтобы сговориться съ нимъ о чинахъ военнаго министерства, которые будутъ меня сопровождать на конференцію. По соглашенію съ генераломъ Поливановымъ были назначены отъ военнаго вѣдомства: по артиллеріи и арт. снабженію — Полковникъ Федоровъ (впослѣдствіи генералъ-маіоръ, изобрѣтатель русскаго автоматич. ружья). По инженерному дѣлу и авіаціи Генералъ-Маіоръ Совримовичъ. По Канцеляріи Военнаго Министерства Военный Чиновникъ Терне. Такъ какъ со мной не было назначено никакого представителя отъ Генеральнаго Штаба и съ фронта, отъ арміи, то я просилъ назначить генерала Н. Н. Головина; но генералъ Лечицкій, командовавшій 9-ой арміей, гдѣ ген. Головинъ былъ Начальникомъ Штаба или Генералъ-Квартирмейстеромъ, отказался отпустить отъ себя Генерала Головина. Тогда я просилъ назначить со мною генерала Кильчевскаго, чѣмъ очень удивилъ генерала Поливанова, сказавшаго мнѣ: "Откуда Вы такъ хорошо знаете офицеровъ Генер. Штаба? если бы мнѣ нужно было выбирать. то лучшихъ я бы не могъ назвать".

2-го Октября ст. ст. всѣ лица меня сопровождавшія на конференцію, отбыли со мною изъ СПБ въ спеціальномъ поѣздѣ въ Архангельскъ. Только генералъ Кельчевскій не успѣлъ прибыть къ этому времени съ фронта, изъ арміи. Сверхъ упомянутыхъ выше лицъ ѣхали со мною въ Англію: М-мъ Блеръ, жена помощника военнаго агента, Генералъ Knox, Г-нъ Муравьевъ, назначенный въ Посольство въ Парижѣ. Въ этотъ же поѣздъ было погружено нѣкоторое количество платины, отъ Русскаго Правительства Англійскому Правительству. Платина и М-мъ Блеръ находились на попеченіи генерала Knox.

По прибытіи въ Архангельскъ всѣ были размѣщены на ледоколѣ "Канада", а утромъ 8 Октября ст. ст. на посыльномъ суднѣ "Буй" были доставлены на вспомог. англійскій крейсеръ "Орланца", стоявшій за баромъ, который незамедлительно снялся съ якоря для слѣдованія въ Англію, имѣя впереди англійскіе тральщики. Въ 16 часовъ Командиръ крейсера мнѣ докладываетъ, что тральщики насъ оставляютъ и возвращаются въ Архангельскъ; не будетъ ли у меня письма, для отправки съ ними въ Архангельскъ. Я вышелъ наверхъ, поблагодарить англійскаго лейтенанта, начальника тральщиковъ, который мнѣ говоритъ, указывая пальцемъ на мѣсто, чуть не рядомъ съ крейсеромъ, что вчера здѣсь взорвался на минѣ и потонулъ пароходъ.

На это у меня естественно явилась мысль, что рано прекращать работу тральщикамъ, хотя и дошли до большихъ глубинъ, но я промолчалъ, чтобы не подумали, что я вмѣшиваюсь въ управленіе англичанъ, и не сказали, что Русскій Адмиралъ струсилъ.

Я спустился внизъ пить чай съ командиромъ крейсера и сопровождавшими меня лицами. Спустя немного времени, туда пришелъ пить чай К. 2 р. Романовъ. Я ему сказалъ: пейте скорѣе чай, сейчасъ будетъ взрывъ". Дѣйствительно, не прошло и 10 минутъ, какъ произошелъ взрывъ, разрушившій носовую часть крейсера. Къ счастью первая изъ переднихъ, неповрежденныхъ переборокъ оказалась достаточно прочною и не допустила дальнѣйшее распространеніе воды. Эту переборку пришлось все-таки надежно подкрѣпить бревнами. Пассажиры и часть команды сѣли на шлюпки, а затѣмъ перешли на подошедшіе тральщики и пароходъ. При спускѣ шлюпокъ, катеръ, на которомъ находился генералъ Совримовичъ, оборвался; генералъ Совримовичъ и прочіе находившіеся въ катерѣ, попадали въ воду, а сверху на нихъ весла и прочія вещи изъ катера; но все обошлось благополучно: никто не пострадалъ и не утонулъ. Когда выяснилось, что крейсеръ держится на плаву, то вся команда на него вернулась. Вообще взрывъ прошелъ удивительно благополучно; не только никто не погибъ, но даже никто не былъ раненъ при взрывѣ. Одинъ изъ тральщиковъ, державшихся за кормою крейсера, на зыби получилъ пробоину отъ винта крейсера и тутъ же затонулъ.

Въ теченіи трехъ дней крейсеръ, заднимъ ходомъ, дошелъ до бухты Іоканка, куда пришелъ, вслѣдъ за крейсеромъ, п. судно "Буй", послѣ своего героическаго перехода изъ Архангельска. Команда крейсера вела себя отлично во время аврала взрыва, что я и высказалъ въ Іоканкѣ, когда команда была поставлена во фронтъ, и я ее привѣтствовалъ съ прекраснымъ знаніемъ своихъ обязанностей и ихъ исполненіемъ.

(Казабланка, 12 августа 1945 г.)

Отъ Редакціи. Ниже приводится два интересныхъ письма, которыми обмѣнялись Адмиралъ А. И. Русинъ и авторъ разсказа "Банка Риджентъ", лейтенантъ П. Г. Калининъ.

I. Письмо Лейтенанта П. Г. Калинина.

Варшава, 28 апрѣля 1931 г.

Его Высокопревосходительству Адмиралу А. И. Русину.

Ваше Высокопревосходительство!

Почтительнѣйше прошу Васъ принять посвященный Вамъ мною разсказъ: "Банка Риджентъ".

Онъ написанъ мною не только, какъ дань воспоминаніямъ

о незабываемомъ прошломъ, но и какъ гимнъ Россійскому Императорскому Флоту и его идейному руководителю — Морскому Генеральному Штабу, во главѣ котораго стояли Вы.

Подлинную радость творчества я испыталъ въ тѣ годы, когда работалъ въ близкомъ соприкосновеніи съ Генморомъ.

О ней то и пытаюсь повѣдать хотя бы отчасти.

Примите Ваше Высокопревосходительство мои увѣренія въ искренней преданности и въ глубочайшемъ почтеніи

Флота лейтенантъ **Павелъ Калининъ**,
въ литературѣ **Петръ Прозоровъ**.

II. Отвѣтъ Адмирала А. И. Русина.

Парижъ, 18 Мая 1931 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Григорьевичъ,

Сердечно благодарю Васъ за Ваше милое письмо и Вашъ, весьма интересный разсказъ "Банка Риджентъ", воскрешающій походъ "Буя" — легендарно-героическій. Побольше бы такихъ повѣствованій, чтобы по нимъ могли воспитываться и учиться поколѣнія, идущія на смѣну тѣмъ доблестнымъ чинамъ Императорскаго Россійскаго Флота, которые, работая не за страхъ, а за совѣсть, во время Великой войны дали примѣры величайшихъ подвиговъ и проявили отличныя военноморскія познанія, твердо усвоенныя.

Къ сожалѣнію, о славныхъ дѣяніяхъ чиновъ флота, мало кто освѣдомленъ; не только иностранцы, наши союзники, ничего на знаютъ, но даже Русскіе тоже ничего не знаютъ, кромѣ лицъ, непосредственно причастныхъ, къ тѣмъ или инымъ операціямъ.

Революція помѣшала Морскому Вѣдомству и Генмору продолжать работу по собиранію историческаго матеріала, и его систематизаціи, о дѣйствіяхъ Императорскаго Россійскаго Флота и его чиновъ, за время Великой войны; что было сдѣлано до революціи, то вѣроятно затерялось, или умышленно искажено и уничтожено, а потому надо считать погибшимъ для исторіи и для потомства.

Привѣтствую Васъ въ выполненіи цѣнной работы, по описанію славнаго похода посыльнаго судна "Буй"; горячо желаю, чтобы Вы имѣли время и возможность занести все то, что прошло въ горизонтѣ Вашего зрѣнія и наблюденія, во время Великой войны.

Крѣпко жму Вашу руку и отъ души желаю Вамъ всего, всего лучшаго.

Искренно Васъ уважающій **А. Русинъ**

Петръ Прозоровъ.

БАНКА РИДЖЕНТЪ.

"И свѣтла Адмиралтейская Игла"...

1.

Урочинцевъ, мичманъ, вахтенный начальникъ посыльнаго судна "Буй". Каждое утро командуетъ:

— На флагъ и гюйсъ. Смирно... Флагъ и гюйсъ поднять.

Гордо взвивается Андреевскій флагъ подъ трель серебряной дудки боцмана.

На гюйсъ Урочинцевъ всегда улыбается: пушечки на кораблѣ маленькія а команды всего съ полсотни. Обводы у "Буя" бочкообразные, и нелѣпо высокъ рангоутъ. Какой ужъ тамъ корабль второго ранга.

Командуетъ "Буемъ" кавторангъ Селивановъ. Не тотъ Селивановъ, котораго подъ титуломъ "хамѣйшаго" любятъ на флотѣ за лихость, а другой — Иванъ Степановичъ. Морякъ не плохой, да "файнъ кондитеръ". Значитъ, встрѣтилъ человѣкъ въ морѣ льдину, а по рапорту плаваютъ ледяныя поля. За то надъ такими людьми и посмѣиваются въ каютъ-компаніяхъ. Русскій морякъ солдатскихъ сказокъ не уважаетъ, онъ по натурѣ человѣкъ скромный.

Селивановъ-же любитъ подавать все тономъ выше, съ форсомъ. Любитъ антуражъ, вродѣ кокетливой дамочки. Плѣнившись инженернымъ значкомъ Урочинцева, онъ "перевелъ его на свой меридіанъ" и назначилъ и. д. штурманскаго офицера, чтобы "Буй" еще больше походилъ на судно 2-го ранга.

Таинственное вліяніе имени у кораблей сильнѣе, чѣмъ у людей, и повинуясь року, "Буй" цѣлыми мѣсяцами стоитъ на якорѣ противъ Соборной пристани.

Его командиру не до походовъ. Онъ на всѣхъ парусахъ плыветъ по бурному морю организаціи. Черезъ Архангельскъ течетъ заграничное снабженіе фронта и тыла. Большое развертывется дѣло. И Селивановъ съ головой ушелъ въ портовую работу.

А на "Буѣ" скучаютъ, и отъ скуки допиваютъ остатки "царскихъ погребовъ", не вѣсть какими судьбами выдранныхъ каютъ-компаніей отъ таможни.

Урочинцевъ можетъ выпить, однако для сего требуется случай. А давно уже въ вахтенномъ журналѣ подъ рубрикой "съ полуночи случаи" пишется: безъ перемѣнъ.

И штурманъ пока не пьетъ. Онъ занялся изученіемъ водъ и края по разнымъ спеціальнымъ источникамъ. Они неисчерпаемы, не

то что судовой погребъ.

Но чужіе походы только разжигаютъ страсть. Неудовлетворенность родитъ тоску.

Тоска, какъ утренній туманъ, вмѣстѣ съ флагомъ подымалась на палубѣ "Буя".

Вдругъ, однажды, командиръ прилетѣлъ на бортъ рано. Съ самымъ таинственнымъ видомъ онъ приказалъ приготовиться къ походу.

Курица не птица, и прогулка въ устье Двины совсѣмъ не походъ. Но на этотъ разъ интересно.

Тамъ, за краснымъ плавучимъ маякомъ, бросилъ якорь англійскій вспомогательный крейсеръ "А р л а н ц а", огромнѣйшій купецъ, снятый съ южно-американской линіи. Онъ вооруженъ пушками и сидитъ такъ глубоко, что не можетъ зайти въ портъ. "Бую" порученъ "яличный перевозъ" — доставить на "Арланцу" начальника морского генеральнаго штаба и его свиту. Цѣлая комиссія ѣдетъ координировать съ британскимъ адмиралтействомъ работу штабовъ и флотовъ. Съ ней же слѣдуютъ ящики съ платиной въ уплату процентовъ по русскимъ военнымъ долгамъ.

Урочинцевъ ящики принимаетъ, хранитъ и сдаетъ, и въ заботахъ совсѣмъ не видитъ комиссіи. Запомнилось только умное выразительное лицо Нагенмора.

2.

Все сходитъ хорошо, по убѣжденію Селиванова, даже блестяще; и онъ поговариваетъ, что "Буй" заслужилъ благодарность въ приказѣ; "за отличное выполненіе отвѣтственнаго порученія". Но, конечно, Нагенморъ, попавъ на "Арланцу", сразу забылъ поданный ему яликъ.

Нѣсколько вечеровъ каютъ-компанія пережевываетъ детали прогулки и собирается вновь почить на лаврахъ, какъ приходитъ грозный случай съ полуночи...

"Арланца" наскочила въ горлѣ Бѣлаго моря на пловучую мину. Ей разворотило носъ. Получилась дыра, въ которую можетъ свободно пройти маленькій пароходъ, не поломавъ мачты. Кто-то изъ комиссіи полетѣлъ за бортъ. Выловили благополучно. У Нагенмора снесло въ морѣ фуражку. Тральщики ведутъ раненую "Арланцу" къ Святому Носу. Англійскій командоръ Кемпъ сегодня же выходитъ къ ней на яхтѣ "Сальваторъ".

Зашумѣли въ каютъ-компаніяхъ, заговорили въ порту, шепчутся въ городѣ.

А на "Буѣ" завидуютъ "Сальватору" и клянутъ свою якорную долю.

Однако, Селивановъ не дуракъ. Цѣлый день онъ проводитъ

на берегу и вечеромъ объявляетъ:

— Немедленно грузить полный запасъ угля, воды и провизіи. На разсвѣтѣ въ походъ. И обратившись къ Урочинцеву добавляетъ: — попрошу ко мнѣ, мичманъ. Поговоримъ.

Было о чемъ поговорить. Командиръ рѣшилъ придти къ "Арланцѣ" раньше Кемпа:

— Нельзя же допустить, чтобы Андреевскій флагъ въ родныхъ водахъ плелся за англійскимъ.

Затѣя съ перваго взгляда будто и нелѣпая. "Сальваторъ" — быстроходная яхта. "Буй" — посыльная черепаха. "Сальваторъ" разводитъ пары. "Буй" — собирается грузить уголь. И все же...

— Я точно узналъ, говоритъ Селивановъ, — что Кемпъ до самаго океана пойдетъ за тральщиками. Правъ стариканъ. Нѣмцы буквально до сыта до отвалу напихали Горло минами. Но понимаете какая потеря времени.

— А мы, Иванъ Степанычъ, пойдемъ безъ тральщиковъ?

— Безуміе. "Буй" мелко сидитъ, да мины высоко плаваютъ.

— Есть и другой выходъ, командиръ...

— Браво, штурманъ. Вижу, угадалъ мою мысль. Думаете, удастся?

— Не сомнѣваюсь. Николай Николаевичъ очень совѣтовалъ.

— И то правда. Займитесь-ка дѣломъ. Но молчокъ.

3.

Урочинцевъ въ своей каютѣ раскручиваетъ трубку карты Горла. Плотная бумага упорно пытается скрутиться обратно и вырывается изъ подъ легкихъ вещицъ, которыя мичманъ разсѣянно накладываетъ на ея углы.

— Какъ живая, — думаетъ онъ, придавливая нижній свитокъ колѣномъ, и края локтями.

Такое обращеніе съ картой показываетъ, что штурманъ собирается заняться не дѣломъ, а мечтаніями.

Любопытно. Уже нѣсколько вечеровъ подрядъ онъ раздумывалъ о тѣхъ краяхъ, куда завтра пойдетъ "Буй".

Отъ крайнихъ мысовъ Горла, Носовъ Святого и Канина, убѣгаютъ къ югу два берега Бѣлаго моря. Внизу посрединѣ островъ Моржовецъ. А вверхъ отъ него рядъ мелей, или, по сѣверному кошекъ. Онѣ легли, какъ казалось Урочинцеву, извивами огромнаго змія. Такъ Скандинавскій полуостровъ запоминается школьнику тигромъ, - а Апенинскій — солдатскимъ сапогомъ.

Было змѣиное въ кошкахъ. Не мало пожрали онѣ кораблей со времени Ченслера. Наконецъ, въ нихъ разобрались, нанесли на картахъ и дали въ лоціяхъ такое указаніе:

"Курсъ прокладывать придерживаясь западнаго берега. Предполагается, что можно обойти кошки и съ востока. Но ходъ этотъ необслѣдованъ. Онъ ведетъ вдоль совершенно необитаемой Каниной земли а потому имъ никто не пользуется".

Тогда аваріи на кошкахъ значительно уменьшились. Но тѣмъ зловѣщѣе казались случаи полнаго исчезновенія судовъ. Безъ вѣсти и слѣда.

О причинахъ догадывались. Въ этихъ краяхъ распространены такъ называемыя магнитныя аномаліи. Это значитъ, что какіе-то факторы отклоняютъ стрѣлку компаса отъ направленія къ полюсу въ сторону. Иногда она устанавливается чуть ли не на югъ. Капитаны, мало освѣдомленные объ этомъ явленіи, теряютъ правильный курсъ и начинаютъ блудить. Вѣроятно, нѣкоторые попадали при этомъ на сѣверныя оконечности кошекъ, точно необслѣдованныя, ибо для широкой практики онѣ значенія не имѣли.

Попытки узнать что либо отъ мѣстныхъ поморовъ оканчивались неудачею. Они давали весьма поэтическое, но мало вразумительное объясненіе.

— Въ давнія времена, разсказывали поморы, жилъ у Носа великій червь и держалъ тамъ крѣпкую заставу. Нельзя было православному народу высунуть носа за Носъ, на Вольную дорогу — Мореокіянъ. Но пришелъ Святой, говорятъ Никола, и заклялъ червя. Не убилъ, а какъ Христосъ изгналъ бѣсовъ и свиное стадо, такъ и Святой загналъ чудище на кошки. Носъ съ тѣхъ поръ Святымъ называется. А червь живетъ себѣ на кошкахъ и жретъ дураковъ, которые полагаются только на компасъ съ лагомъ, а молитву Николѣ Морскому ни во что считаютъ.

Отчасти этотъ вопросъ былъ освѣщенъ третьимъ штурманомъ голландскаго парохода "Ридженть". Штурманъ былъ единственнымъ изъ всего экипажа, который спасся совершенно непостижимымъ образомъ. Отъ пережитаго разсудокъ моряка видимо помутился, ибо и онъ что-то настойчиво твердилъ о червѣ. Однако, когда химера разсѣивалась, штурманъ давалъ цѣнныя указанія. Онѣ-то и помогли гидрографамъ установить приблизительное положеніе новой мели. Ее нанесли на картахъ пунктирнымъ оваломъ, какъ всегда отмѣчаются банки, положеніе которыхъ точно неизвѣстно, и назвали въ память погибшаго парохода банкой Риджентъ.

4.

Мысъ Инцы, лежащій на Зимнемъ берегу, — камень на распутьи. Налѣво пойдешь — мины. Направо — дальше Мезени путь вообще заказанъ.

Отъ Инцъ берегъ круто сворачиваетъ на востокъ. Примѣрно посерединѣ онъ заламывается Мезенскимъ заливомъ, а потомъ снова

идетъ ровно, прямо на сѣверъ.

Грозныя мѣста.

Здѣсь высота и скорость теченій приливовъ громадна. Не разъ суда, ведомыя неопытными штурманами, оказывались на берегу.

Въ самой гавани Мезень, куда иностранные пароходы заходятъ за лѣсомъ, случалось, что ихъ закручивало, какъ щепку и опрокидывало легче орѣховой скорлупки.

Дикія мѣста.

На островѣ Моржовецъ изъ постоянныхъ жителей только маячный смотритель. Даже моржи тутъ временные гости. По Каниной землѣ бродятъ лишь рѣдкіе самоѣды съ оленями.

Если здѣсь потерпѣть аварію, то конецъ. Никто не увидитъ, никто не услышитъ. Прежде чѣмъ подойдетъ помощь, хотя бы и вызванная по радіо, тараны прибоя разобьютъ корпусъ. Отливы и приливы вынесутъ щепы въ основное теченіе, уходящее мимо Канина Носа къ Новой Землѣ, а дальше Богъ вѣстъ куда.

А мѣста богатыя.

Море и рѣки полны рыбой, здѣсь ловится навага. На отмеляхъ морской звѣрь. Въ тундрѣ тучи птицъ.

Но даже не каждый поморъ рискуетъ идти на ловъ въ эти края. Идутъ только "знающіе". Ихъ знаніе отъ новогородскихъ ушкуйниковъ, черезъ прадѣда къ правнуку.

Ясно, что нѣмцевъ съ ихъ минами здѣсь не бывало. Зато побывалъ Николай Николаевичъ.

5.

"Не извольте о бывшемъ несчастіи печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела въ пагубу), но забывать и паче людей обадривать. Такъ писалъ въ 1705 году "шкиперъ славный" Б. П. Шереметьеву разбитому шведами.

И черезъ два вѣка праправнуки "гнѣзда Петрова" снова вспомнили этотъ завѣтъ. На позоръ Цусимы они отвѣтили могучимъ творчествомъ. И была свѣтла Адмиралтейская игла въ заревѣ Великой войны.

Придетъ когда нибудь поэтъ и разскажетъ словами кованными изъ чистаго золота о работѣ Штаба.

О телеграммахъ въ бронѣ шифра. Гдѣ цифры, — Пифагорійскіе знаки, символъ рока кораблей, гаваней и людей. Ихъ секретныя папки — книга судебъ страны.

О холодномъ анализѣ пораженій и о горячей критикѣ побѣдъ.

О жарѣ исканій. О блескѣ молній идей.

О находкахъ, выводахъ, концепціяхъ.

О грандіозныхъ размахахъ и дерзкихъ замыслахъ.

О безсонныхъ ночахъ въ трудахъ.

О желѣзной энергіи, рѣшимости, выдержкѣ.

О неуклонной волѣ претворенія мечты въ жизнь.

Онъ разскажетъ о человѣкѣ въ золотыхъ погонахъ, склоненномъ въ работѣ подъ зеленою лампой.

Звѣзды глядѣли въ высокія заиндевѣвшія окна. Тонула въ полумракѣ карта Бѣлаго моря. Человѣкъ поднялся. Подошелъ къ картѣ. Звѣздный лучъ упалъ на нее, и по новому загорѣлась она...

Морякъ схватилъ параллельную линейку, циркуль, и какъ когда то юный кадетъ морского корпуса прокладывалъ никому не вѣдомые курсы, вдохновенно прорвалъ новый дерзостный путь.

Получилось очень хорошо. Удобно и секретно. Оставалось немногое: утромъ докладъ Нагенмору, вечеромъ Минмору, а на третій день "Быть по сему".

И черезъ недѣлю подполковникъ корпуса гидрографовъ Николай Николаевичъ Матусевичъ весело работаетъ надъ организаціей экспедиціи Восточнаго Хода.

За подготовкой ревниво слѣдятъ тѣни Беринга, Челюскина, братьевъ Лаптевыхъ, супруговъ Прончищивыхъ и другихъ. Они радуются, что теперь все стало проще, легче, удобнѣе. Много новаго, хорошаго, но не забыто и чудесное старое. Не умерли, не забыты ихъ славныя традиціи. Онѣ бережно переданы черезъ барона Толль, ген. Вилькицкаго лейтенанту А. В. Колчаку и подполковнику Матусевичу. И въ грозный для родины часъ вѣрно послужатъ ей.

Вслѣдъ за льдомъ экспедиція выходитъ на маленькихъ пароходикахъ изъ Архангельска къ Каниной землѣ. Какъ она тамъ живетъ, какъ работаетъ, что преодолѣваетъ, о томъ не только міръ, но и начальство не знаетъ. Н. Н. Матусевичъ не "файнъ кондитеръ"

Осенью, когда все закончено, онъ просто рапортуетъ:

— Изученъ и обствленъ секретный проходъ для судовъ глубокой осадки. Лоцію заканчиваю.

Первую редакцію лоціи, переписанной на машинкѣ, онъ въ копіи передаетъ командиру "Буя". Тотъ — своему и. д. штурманскаго офицера, "на всякій случай".

И вотъ пришелъ грозный случай съ полуночи.

— Потягаемся Ваше Превосходительство, H.M.S. командоръ Кемпъ.

Ѣдетъ чижикъ въ лодочкѣ
Въ адмиральскомъ чинѣ,
Не выпить ли водочки
По этой причинѣ...

6.

"Буй" вышелъ въ море 13-го октября 1915 года. Нехорошее число тринадцать. Не любятъ его моряки. Да что подѣлаешь, время военное.

За баромъ свѣжая погода. Легли на обычный курсъ. У Инцъ въ сильный бинокль открыли на другомъ берегу "Сальваторъ" (море здѣсь узкое). Клюетъ носомъ въ сильной зыби, а тральщики, идущіе впереди, и вовсе скрываются въ волнахъ.

— Тью, тьююю.. радостно просвисталъ Селивановъ, хотя на кораблѣ этого вовсе не полагается — свистъ на борту вызываетъ вѣтеръ за бортомъ. — Догнали Кемпа. Сильно задержался дѣдушка. Ну, штурманъ, на востокъ.

— Есть, Иванъ Степанычъ, на востокъ, — отвѣтилъ тотъ и задавъ новый курсъ, запѣлъ про себя:

"Къ востоку, все къ востоку, стремленіе мое..."

Старшій офицеръ, смѣнявшій на вахтѣ Урочинцева, даже усумнился:

— Вы не путаете, мичманъ?

— Нѣтъ, господинъ лейтенантъ.

Вообще они были на ты — Сережка и Гришка, но на лейтенанта Сергѣя Дубнова въ критическія минуты находилъ "офиціальный стихъ", и тогда мичманъ Григорій Урочинцевъ отвѣчалъ ему въ тонъ.

— Такъ куда-же васъ дьяволъ несетъ...

— Восточнымъ ходомъ.

— Чтоооо... уже совсѣмъ изумился Дубовъ.

Штурманъ посвятилъ друга въ тайну похода.

— Свинья Селивановъ, пробормоталъ лейтенантъ, — не довѣрять своему старшему офицеру.

— Скажи онъ раньше, ты-бы вдвое вздулъ требованіе на спиртъ для компасовъ... Принимая во вниманіе необезпеченность, сложность, трудноость и опасности похода совершаемаго и т. д. и т. д.

— А развѣ плохо было-бы?

— Не плохо. Но пришлось бы излагать мотивы. А отъ того лишніе слухи въ городѣ.

— И то правда, Гришенька.

Урочинцевъ спустился внизъ, но скоро опять появился на мостикѣ.

Онъ любилъ штурманское дѣло. Увлекался. Не уставая, опредѣлялся по береговымъ знакамъ и признакамъ, вычислялъ лунные часы, прокладывалъ теченія, бралъ разныя поправки.

Тревожился. Жизнь полсотни людей, корабля, машинъ и пу-

шекъ дорого стоитъ. Въ военное время и вдвое. Не дай Богъ, если по небрежности или глупости худо случится. Позоръ.

Зато, какъ онъ радовался, когда наблюденія удавались, и предвидѣнія сбывались.

— Гриша, ты зарапортуешься, укорялъ Дубновъ, — ты бы поспалъ часокъ-другой. Свѣжѣетъ. Впереди работы много.

— Вѣрно, Сережа, да нельзя. Мѣста совсѣмъ новыя.

Погода дѣйствительно свѣжѣла, и падалъ барометръ. Но пока все шло благополучно. Миновали Моржовецъ. Пересѣкли Мезенскій заливъ. Вышли на траверзъ рѣки Нессь. Отсюда начались новые знаки, поставленные Матусевичемъ.

— Отличный путь, хвалилъ командиръ. — Николай Николаевичъ его съ любовью обставилъ.

— Словно квартирку для новобрачной, отвѣтилъ смѣясь Урочинцевъ.

Вотъ такъ сравненіе! Темно-стальное море, да бурая тундра. Угрюмы нависшія свинцовыя облака. Свистъ вѣтра, срывающаго бѣляки на волнахъ. Ничто не напоминало объ уютномъ гнѣздышкѣ для любимой.

И однако, что-то было!... Было дыханіе любви.

Странно очарованіе любви. Изольется она изъ человѣческаго сердца на сердце-ли, на трудъ, или даже на вещь, и они начинаютъ свѣтиться особеннымъ свѣтомъ.

Говорятъ: это съ любовью сдѣлано. Какъ познаютъ, что любовь здѣсь почила, неизвѣстно. А познаютъ безошибочно.

И любовь, пронизывавшая трудъ экспедиціи Восточнаго хода, сіяла Урочинцеву и въ заботливомъ выборѣ мѣста знаковъ, и въ постройкѣ ихъ и въ предусмотрительныхъ указаніяхъ лоціи Матусевича.

Опредѣляясь по крѣпкимъ рѣшетчатымъ вышкамъ, "Буй" шелъ надежно, какъ по столбовой дорогѣ.

Шелъ на всѣхъ парахъ. Но къ ночи изъ машины донесли: "мотылевый подшипникъ циркуляціонной помпы перегрѣлся".

Пришлось лечь на "самый малый". Судно задрейфовало. Селивановъ нервничалъ:

— О, чертъ! Скоро ни черта не будетъ видно! Якоря, на такой глубинѣ, не отдашь. Вынесетъ насъ, какъ чертей, на проклятую Канину землю! Чертъ бы побралъ этотъ Восточный ходъ! А Кемпъ тилипается себѣ помаленьку за тральщиками!

Но спокойный и методичный инженеръ-механикъ корабля быстро справился съ дефектомъ, и "Буй" продолжалъ свой путь. Селивановъ опять повеселѣлъ:

— Обгонимъ старика. На двое сутокъ раньше придемъ.

Тьма заволокла привѣтливые знаки. Теперь шли только по компасу и лагу.

7.

Когда въ 4 часа утра Урочинцевъ принималъ вахту, командиръ объявилъ, что по его разсчету они близки къ выходу въ океанъ, и онъ рѣшилъ постепенно уклоняться къ западу.

— А банка Риджентъ, — спросилъ штурманъ.

— Мы ее оставимъ далеко въ сторонѣ, послѣдовалъ увѣренный отвѣтъ.

— Сомнѣваюсь. Но какъ прикажете.

— На чемъ же основаны ваши сомнѣнія?

— На предчувствіи, пока.

— Штурманъ долженъ вѣрить картѣ, компасу и лагу, а не предчувствіямъ, наставительно заключилъ Селивановъ и, задавъ новый курсъ, отправился спать. Онъ имѣлъ полное право на отдыхъ, отстоявъ "собачью вахту" съ молодымъ, только что изъ корпуса, мичманомъ, котораго на "Буѣ" звали "нашъ милый мальчикъ". Да и путь шелъ въ океанъ. Тамъ открытая дорога и опасностей не таитъ. А что вѣтеръ крѣпнетъ, такъ къ этому не привыкать.

Прощаясь со штурманомъ, командиръ замѣтилъ мимоходомъ:

— Въ морѣ работаетъ какая-то незнакомая радіостанція.

— Можетъ "Арланца".

— Думаю, что она. Хотя Насвязь предупреждалъ, что еще до прихода "Арланцы" была перехвачена работа потаенныхъ станцій. Полагаютъ нѣмецкихъ. Но здѣсь то мы ихъ не увидимъ. Счастливой вахты.

Урочинцевъ остался одинъ. Онъ постоялъ немного на мостикѣ, вглядываясь по привычкѣ въ ночь, а потомъ прошелъ въ штурманскую рубку. Рулевой и сигнальщикъ — старые матросы, на нихъ можно было положиться вполнѣ.

Штурманъ занялся повѣркой прокладки. Послѣднее опредѣленіе "Буй" имѣлъ давно и приходилось рѣшать уравненіе со многими неизвѣстными.

И выходитъ у мичмана, что судно не тамъ, гдѣ рукой Селиванова означенъ кружокъ на картѣ, и откуда проложена линія новаго курса. Выходитъ, что не только не миновали банки Риджентъ, а идутъ прямо на нее.

Повѣрка заняла не мало времени, и штурманъ не разъ прерывалъ свою работу.

Пройдетъ въ рулевую рубку. Тамъ тепло отъ рулевой машинки. Скрытая сбоку лампочка освѣщаетъ только картушку компаса. Уютно. Легонько покачивается въ спирту бѣлый дискъ на поплавкахъ и отходитъ то вправо, то влѣво. Но немного. Стукаловъ держит-

ся на курсѣ хорошо.

Выйдетъ на мостикъ. Тамъ охватитъ порывъ ледяного вѣтра. Вѣдь октябрь, да еще за полярнымъ кругомъ. Хлеснутъ въ лицо соленыя брызги. Полный мракъ. Но глазъ скоро привыкаетъ. На правомъ крылѣ мостика дрогнетъ подъ шубой курносый Митькинъ, вахтенный сигнальщикъ.

— Что видно, Митькинъ.

— Ничего не видать, Вашбродіе. Темень.

— Смотрѣть хорошенько.

— Есть, смотрѣть хорошенько, отвѣчаетъ автоматически матросъ и широко таращитъ глаза.

Урочинцевъ повѣряетъ и остальную вахту. Спрятались гдѣ-то за вѣтромъ, но не спятъ. Откликаются сразу.

Все въ порядкѣ. Спите спокойно, командиръ, Сережа, "нашъ милый мальчикъ", докторъ, вѣстовые, подвахтенные. Все въ порядкѣ. А Кемпъ тилипается за тральщиками. Не угнаться за "Буемъ" "Сальватору". А что барометръ падаетъ, такъ къ этому не привыкать, достанется и "Сальватору" заодно.

И мичманъ снова принимается за прокладку. Все-ли тутъ въ порядкѣ? Не поторопился-ли командиръ? Не ладно что-то...

А примѣрно къ срединѣ вахты штурману померещилось... Какъ разъ онъ послалъ Митькина взять отчетъ лага. Сигнальщикъ скинулъ шубу, зажегъ съ трудомъ на вѣтру фонарикъ и бѣгомъ, перекатываясь на качкѣ отъ борта къ борту, полетѣлъ на корму. Урочинцевъ одинъ задумчиво вглядывался въ мракъ.

И вдругъ прямо по курсу, гдѣ-то далеко, далеко, словно зарница вспыхнула.

— Что такое?... вздрогнулъ мичманъ, — маяковъ впереди нѣтъ, грозамъ поздно, сполохамъ рановато... прожекторъ?

— Стукаловъ, обратился онъ къ рулевому, - ты видѣлъ?...

— Никакъ нѣтъ, Ваше... На компасъ смотрѣлъ.

— Ладно.

Вернулся насквозь промокшій Митькинъ и доложилъ:

— 73 и 4.

— Есть 73 и 4 разсѣянно отозвался Урочинцевъ и взглянулъ на часы: — 5.20, запиши.

Онъ сторожилъ ночь. Напрасно. Ночь не выдала своихъ тайнъ. Штурманъ вернулся къ картѣ и внезапно, продолженная имъ линія, сверкнула тѣмъ же страннымъ свѣтомъ, что и проблескъ въ ночи.

— Разбудить командира, мелькнуло у него въ головѣ, — не стоитъ. Глупыя предчувствія. Даже галюцикаціи появились. Роковая линія, зарево на Риджентъ. Ха, ха...

— Ха, ха... отозвался вѣтеръ за тонкими стѣнками рубки.

8.

Свѣтало. Предчувствія перешли въ мрачную увѣренность. Долго боролась осторожность штурмана съ самолюбіемъ Урочинцева: Селивановъ ужасно не любилъ сомнѣній въ безгрѣшности своихъ прокладокъ и навѣрное будетъ ругаться, обзоветъ паникеромъ. Наконецъ мичманъ рѣшилъ разбудить командира, но прежде ему захотѣлось еще разъ взглянуть на море.

Онъ поднялся на самый верхній мостикъ, который назывался у нихъ боевымъ или штурманскимъ, былъ открытъ съ четырехъ сторонъ и обнесенъ только парусиной на поручняхъ, чтобы вѣтеръ не такъ сбивалъ съ ногъ. Тамъ стоялъ главный компасъ.

Было уже совсѣмъ свѣтло, однако штурманъ ничего впереди не увидѣлъ. Свалился "зарядъ". Характерное въ Сѣверно-Ледовитомъ океанѣ явленіе. Во время шторма внезапно налетаетъ облако. Оно словно скользитъ по гребнямъ волнъ. Снѣгъ, градъ, пѣна и брызги перемѣшаны въ немъ съ вѣтромъ. Этотъ плотный вихрь обрушивается на корабль. Волны летятъ черезъ бортъ. Ничего не видно впереди. Но повоетъ, постонетъ, потреплетъ, пошвыряетъ и разсѣется. Тогда горизонтъ снова проясняется.

На этотъ разъ, однако, Урочинцеву не пришлось ожидать разряженіе заряда. Что то странное въ характерѣ волны у самаго борта привлекло вниманіе штурмана.

Бурны волны во время шторма. Величава, грозна, порой свирѣпа ихъ бурность, но мѣрна. Есть въ ней особый законъ.

Тутъ же волны показались мичману потерявшимися, нервными, срывающимися, злобными. Какъ задранная кошка. "Буй" задрожалъ отъ частыхъ короткихъ ударовъ. Откуда то стремительно несло широкую бѣлую пѣну.

— Измельчали...

И это слово, только слово презрѣнія къ звѣриному, преломилось въ сознаніи человѣка самымъ неожиданнымъ образомъ. Онъ бросился къ рупору, сорвалъ парусинный чехольчикъ и закричалъ въ мѣдную глотку:

— Право на бортъ!

— Есть, право на бортъ! прогремѣлъ внизу голосъ рулевого, и тогда Урочинцевъ понялъ, какъ дикъ былъ его собственный крикъ.

Отъ рѣзкаго поворота наддало волной. Въ каютъ компаніи стрѣлка кренометра почти перелетѣла секторъ. Въ буфетѣ со звономъ посыпалась посуда. Командиръ вылетѣлъ на мостикъ.

— Въ чемъ дѣло, мичманъ?!... закричалъ онъ.

— Смотрите, прошепталъ Урочинцевъ, съ испугомъ огляды-

ваясь назадъ. Тамъ же открылось то, чего онъ и самъ не видалъ. Даль очистилась и... кипѣла. Кипѣла котломъ.

Волны разбивались о мель и въ дикой пляскѣ летѣли, сталкивались, расшибались. И ниспадали столбы языки, гейзеры... гривы.

Въ суровомъ ритмѣ окружающихъ глубинъ эти космы, взметанныя къ небу, жили своей жизнью. Тысячи демоновъ и вѣдьмъ справляли здѣсь свой шабашъ.

То была банка Ридженть.

Командиръ сорвалъ съ головы фуражку, осѣнилъ себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ и тихо сказалъ:

— Пронесла Владычица.

Пронесла... И пронесла Она въ этотъ походъ еще не одинъ разъ.

9.

"Буй— вышелъ на вольную дорогу, — Море-Окіянъ. И въ душѣ штурмана воцарился великій покой. Если бы на борту былъ пассажиръ, онъ сказалъ-бы, что какъ разъ теперь то и начинается самое главное. Такъ могучи стали волны, буенъ вѣтеръ и мрачны океанскія дали. Но моряки смотрятъ на дѣло иначе.

Не смутила покой Урочинцева и новая телеграмма, полученная за его вахту. Опять она была шифрованной, но обрывалась открытыми словами: Dracke, Dra...

— Нѣмецъ, ясно нѣмецъ, покачивалъ головой Селивановъ.— Какое-то судно "Драконъ" болтается въ этихъ краяхъ. Есть, конечно, и другія суда, съ которыми оно сносится. Надо держать ухо востро. Идите-ка спать Григорій Павловичъ.

И Урочинцевъ спалъ. Ахъ, какъ онъ спалъ...

Разбудилъ его звонокъ, ожогъ и влага. Лежа онъ схватилъ телефонную трубку. Голосъ командира былъ рѣзокъ, но спокоенъ:

— Штурманъ, - на мостикъ.

Мичманъ вскочилъ. Подушка, подарокъ матери, легонько тлѣла — горѣвшая электрическая лампочка, сорвавшись съ крѣпленій, упала и перегрѣла пухъ. На другой уголъ подушки опрокинулась чернильница.

Потушить "пожаръ" было дѣломъ одной минуты. Хуже обстояло съ вещами. Все, что не было привинчено или прибито, обрѣло даръ движенія и въ благодарность совершало по каютѣ мистическій танецъ.

— Пожалуй, 10 балловъ...

Онъ не безъ труда поймалъ одежду. Натянулъ теплую тужурку, застегнулся наглухо, надвинулъ на уши фуражку и, приказавъ по пути вѣстовому навести порядокъ и крѣпко все принайтовить, вы-

шелъ на верхъ.

— Нашъ "милый мальчикъ" укачался, сказалъ ему Селивановъ, — я попрошу васъ вступить за него. Теперь придется идти на двѣ вахты: вамъ и старшему офицеру.

— Есть, отвѣтилъ штурманъ.

Пошла тяжелая служба. Морская болѣзнь косила людей, и обязанности выбывавшихъ изъ строя принимали на себя уцѣлѣвшіе.

Когда Урочинцевъ, отстоявъ шесть часовъ, спустился внизъ продрогшій и голодный, онъ не засталъ уже вѣстового съ заботливо приготовленнымъ ужиномъ. Столъ былъ накрытъ "скрипками", но ихъ рѣшетки пустовали. На грозные крики мичмана выползъ старый Иванцовъ и доложилъ, что кухня укачалась, камбузъ холодный и ѣсть нечего. Подбодренный офицеромъ, матросъ добылъ изъ машины кипятку, сварилъ пару яицъ. Ловко балансируя, онъ водрузилъ "закусонъ" въ скрипку, но въ этотъ моментъ шальная волна такъ дала "Бую", что ножки стола выскочили изъ мѣдныхъ гнѣздъ, и весь харчъ полетѣлъ штурману на колѣни.

Онъ плюнулъ, пожевалъ хлѣба съ сухой колбасой и не раздѣваясь кинулся въ койку.

За ночь штормъ разгулялся во всю, и гордая человѣческая воля уступила его прихоти. "Буй" не имѣлъ больше своего курса. Держали противъ вѣтра, летѣвшаго отъ норда, и цѣлили въ разрѣзъ волнъ, наровя имъ лобъ. Если попадешь поперекъ волнъ, то будетъ, какъ говорятъ моряки, "опрокидансъ". Тутъ зѣвать съ подачей команды не приходилось. Чтобы лучше видѣть противника, Урочинцевъ стоялъ на боевомъ мостикѣ, крѣпко обнявши колонку главнаго компаса.

Ничто не защищало его. Зарядъ за зарядомъ несъ пронзающій вихрь, колючій снѣгъ и соленыя брызги. Корабль зарывался такъ глубоко, что волны черезъ полубакъ вкатывались на шканцы и, разбившись о спардекъ, окатывали мичмана съ головы до ногъ. Не оботрешься много краемъ мокраго рукава.

Гора за горой вставали впереди. Съ трудомъ, какъ слабенькій мышенокъ, "Буй" взбирался на нихъ. Съ вершины, покрытой сѣдыми кудрями съ бирюзовыми проплѣшинами, на мигъ открывался просторъ взбѣсившагося океана. Затѣмъ корабликъ стремительно, духъ захватывало, катился внизъ. Тогда винты обнажались и безпомощно крутились въ воздухѣ, а корпусъ жутко содрогался всѣми ребрами.

Глянетъ Урочинцевъ назадъ, тамъ стѣна. Видно, какъ запрокидывается ея гребень. На немъ танцуетъ смертъ. Если "Буй" во время не выдерется впередъ, водяная груда обрушится на корму, корабль "осядетъ на заднія ноги" и шабашъ. Значитъ попалъ въ "ложку".

— Такъ тонутъ маленькія дѣти, купаясь жаркою порой. Mit Mann und Maus — съ людьми и мышами.

Дрожалъ-ли мичманъ въ такіе моменты за свою жизнь? Нѣтъ. Прошлаго и будущаго равно не существовало. Было упоеніе борьбой - настоящимъ.

Онъ ни разу не вспомнилъ за вахту, простите дорогіе, ни отца, ни мать, ни любимую.

Иногда удавалось, улучивъ минутку, спуститься въ рулевую рубку погрѣться. Не надолго. Да долго и выдержать было бы невозможно. Жарко. Чадитъ подгорѣвшее масло. Подлѣ рулевого стоитъ кадушка-обрѣзъ. Онъ покрутитъ, покрутитъ штурвалъ, а затѣмъ нагнется къ обрѣзу и... ини... якк...

— Канатъ травишь, Студаловъ.

— Есть канатъ ваше... и снова и... инмм... яккк.

Не шутка отъ природы не хворать морской болѣзнью. Бываютъ такіе люди, и Урочинцевъ изъ нихъ числа. Но чтобы непрерывно "травить канатъ" и въ то же время нести службу, требуется большой морской стажъ.

"Буй" держался въ бурю отлично. Тутъ только Урочинцевъ понялъ весь смыслъ бочкообразія его корпуса. Порою онъ почти скрывался подъ водой и затѣмъ вновь, какъ утка, выныривалъ на свѣтъ Божій.

И все же дѣло было дрянь. Селивановъ больше для очистки совѣсти подалъ въ воздухъ такую телеграмму:

"Штормуемъ въ океанѣ второй день. Имѣемъ поврежденія, съ которыми справляемся. Прошу зажечь маякъ".

— Маякъ зажженъ, послѣдовалъ отвѣтъ. Но что значитъ хотя-бы и зажженный маякъ, когда чортъ его знаетъ, какъ къ нему добраться. Оріентація судна была потеряна. Вмѣсто линіи курса прокладывали, какъ выражался Селивановъ, трубу, градуса въ два шириною:

— Находимся гдѣ нибудь въ этихъ предѣлахъ, выше или ниже.

Вотъ механикъ доложилъ, что угля хватитъ едва-ли на сутки. Затѣмъ сдало въ кингстонѣ и начался авралъ по откачкѣ воды въ машинномъ отдѣленіи. Работали по колѣни въ водѣ.

Какъ-то, наблюдая лагъ, Урочинцевъ глянулъ за корму и установилъ, что сидѣвшій тамъ двуглавый орелъ сорвался и улетѣлъ.

Наконецъ, оборвало оттяжки антены и она безпомощно болталась на высотѣ мачтъ. Теперь "Буй" былъ совершенно отрѣзанъ отъ міра. Вѣсти о себѣ никому не подастъ.

Командиръ не покидалъ кожаннаго дивана въ штурманской рубкѣ. Сидѣлъ мрачный, зачѣмъ то поднявъ барашковый воротникъ ватной шинели.

Когда Урочинцевъ заходилъ провѣдать его, онъ хлопалъ себя по колѣнамъ и глухо стоналъ:

— Все пропало. Кэмпъ уже тамъ.

— Ничего не пропало, Иванъ Степанычъ, — утѣшалъ штурманъ. — Кэмпъ отсиживается съ тральщиками въ какой нибудь дырѣ, а мы идемъ.

— Да, идемъ, но куда? — полупечально, полунасмѣшливо вопрошалъ Селивановъ.

10.

Такъ прошелъ день. Наступила еще одна ночь, и къ полуночи вѣтеръ будто ослабъ. Тогда на "Буѣ" вытащили изъ трюма давно забытый парусъ и приспособивши подняли. Качка стала ровнѣе.

Командиръ рѣшился, наконецъ, потягаться съ вѣтромъ и взялъ курсъ на предполагаемый берегъ. Урочинцевъ понялъ это своими боками, онъ по настоящему вылетѣлъ изъ койки, съ такой силой ударила въ бортъ волна при поворотѣ. Однако, дорожа сномъ, онъ не полѣзъ на мостикъ, а снова забрался въ постель и, быстро приспособившись къ бортовому теперь типу качки, продолжалъ храпѣть.

— Печальный, словно обреченный, "Буй" въ полвѣтра летѣлъ стрѣлой къ неизвѣстному. Много помогъ ходу кливеръ. Вотъ и толкуй, что паруса отжили свой вѣкъ.

Въ предъутренней мглѣ, какъ будто открывался берегъ. Его испугались и пошли обратно въ океанъ. Только когда совсѣмъ разсвѣло вернулись къ нему.

Командиръ со штурманомъ проглядѣли бинокли, стараясь по очертаніямъ черныхъ горъ, запорошенныхъ снѣгомъ, выяснить куда же они вышли. Угля оставалось въ обрѣзъ, и ошибка опредѣленія могла дорого стоить.

Вправо или влѣво, — простѣйшій изъ извѣчныхъ вопросовъ и самый спорный. Двое не рѣшивъ его, призвали третьяго. Старшій офицеръ поддержалъ Урочинцева.

Пошли влѣво и къ полудню увидѣли скалы, сторожащія входъ въ бухту Іоканга, что у Св. Носа, а затѣмъ и мачты радіостанціи.

Постепенно развертывался обширный рейдъ. На немъ вырисовывался силуэтъ великана "Арланцы" и еще какой-то громадины подъ русскимъ трехцвѣтнымъ флагомъ. А кругомъ нихъ пигмеи тральщики и вспомогательныя суда.

Вооруженные и невооруженные глаза съ "Буя" впились въ эту группу.

— Нѣтъ "Сальватора!" побѣдно воскликнулъ Селивановъ.

— Нѣтъ! какъ эхо отозвалось на мостикѣ, палубѣ и бакѣ.

— На "Арланцѣ" возятся у пушекъ. Держутъ сигналъ. Митькинъ, разбирай, крикнулъ Урочинцевъ, убѣгая въ рубку за сигнальной книгой.

Селивановъ инстинктивно глянулъ на свой рей и загрохоталъ:

— Поднять позывные! Позывные. Насъ сейчасъ раскатаютъ!

Подняли. А на другомъ нокѣ (концѣ) рей подняли сигналъ почтенія младшаго къ старшему: "Прошу указать мѣсто стоянки".

"Буй" уже пытался заползти въ узкій проливъ, ведущій въ бухту, какъ полунощникъ (вѣтеръ съ полуночи или сѣвера) на прощанье послалъ свой послѣдній зарядъ. Вѣчный бродяга хотѣлъ кинуть старенькій корабликъ на острыя скалы.

— Право на бортъ! завопилъ командиръ. И отъ желаннаго покоя носъ "Буя" снова смотритъ въ морскія дали. А зарядъ яростно претъ его на берегъ кормою.

— Полный впередъ!... топчетъ ногами Селивановъ.

" Нѣтъ полнаго впередъ, отвѣчаютъ изъ машины, — соленость 32 процента.

Допоходились. Нѣтъ воды. Но не гибнуть же теперь подъ любопытствующими взорами "Арланцы", Нагенмора и всей почтенной комиссіи.

И надрываются котлы, кочегары, поршни, штоки, подшипники, мотыли, валъ и винтъ... унося "Буй" отъ оскаленныхъ зубовъ суши.

Прошелъ зарядъ, и они красиво вошли въ бухту. Въ бухту покоя. Правда, этотъ покой съ трудомъ обезпечивали два якоря на сильно вытравленныхъ канатахъ.

Селивановъ, прибывшій въ сопровожденіи штурмана на "Арланцу" съ докладомъ, тутъ-то налетѣлъ на разгонъ:

— Вамъ, капитанъ 2-го ранга, должно быть извѣстно, что съ позывными, особенно въ такое время, не запаздываютъ, горячился адмиралъ. — Если бы "Арланца" раскатала "Буя", вина лежала бы исключительно на немъ. Тѣмъ болѣе, что и опознать въ немъ судно россійскаго флота въ такомъ видѣ нѣтъ никакой возможности. Поглядите ка сами со стороны, уже мягко и почти ласково закончилъ Нагенморъ.

Командиръ и штурманъ смущенно глянули въ сторону виноватаго. Дѣйствительно, видъ у него былъ подозрительный. Обледенѣлыя снасти разбухли и поросли бородой. Борта покрылись желваками, обвисли сталактитами. Словно корабль капитана Гаттерасса сошелъ съ иллюстраціи безплатнаго приложенія къ "Вокругъ Свѣта".

Въ этотъ моментъ къ группѣ подошелъ англійскій лейтенантъ и обратился къ Урочинцеву:

— Объясните, пожалуйста, что означалъ поднятый вами сигналъ.

— Прошу указать стоянку. А вы, какъ поняли?

— По международному коду выходитъ: "прошу прислать на бортъ акушерку".

Кругомъ всѣ расхохотались. Улыбнулся и Нагенморъ. Но потомъ сталъ серьезнымъ.

— Отмѣтьте, сказалъ онъ своему адъютанту, — вопросъ о

кодѣ для взаимныхъ сношеній судовъ Антанты. Не всегда подобныя недоразумѣнія оканчиваются смѣшнымъ анекдотомъ.

Селивановъ передалъ адмиралу двѣ загадочныя телеграммы. Тотъ оживился.

— Мы ихъ такъ же поймали, и наши іероглифщики расшифровали. По всему выходитъ, что гдѣ-то въ районѣ банка Ридженть взорвана нѣмецкая подводная лодка. Непонятно только открытое слово Drache. Тутъ какая то тайна. Видимо его включилъ въ послѣдній моментъ радіотелеграфистъ уже по своему почину.

Дальнее зарево, стрѣлка часовъ 5.20 и голосъ Митькина: на лагѣ 73 и 4, вспыхнули въ сознаніи Урочинцева и переплелись съ поморской легендой о червѣ. Drache...

⁂

Селивановъ своего добился. Кемпъ пришелъ на 6 часовъ позже и командиру, г.г. офицерамъ и командѣ посыльнаго судна “Буй” была объявлена Нагенморомъ благодарность въ приказѣ:

“За лихой походъ”.

Въ тотъ же день Урочинцевъ отправился съ порученіемъ къ англійскому Натралу, командору Барнай.

На плохо защищенный рейдъ вкатывались валы еще незатихшаго океана. Маленькій паровой катеръ подкидывало, какъ мячъ. Съ тральщика кинули штормтрапъ. Но катеръ два раза пролеталъ мимо борта, не рискуя приблизиться къ нему. На третій, улучивъ моментъ, на высокой волнѣ, мичманъ рѣзкимъ прыжкомъ перелетѣлъ обманчивый зеленый хрящъ и вцѣпился въ трапъ.

— All right, лейтенантъ, процѣдилъ сквозь зубы Барнай, не выпуская трубки, — хорошій прыжекъ. Отличный походъ. Смѣлое дѣло. Вотъ случай выпить стаканчикъ доброй шотландской виски.

ПЕТРЪ ПРОЗОРОВЪ.

П. Е. Стоговъ.

АТОМНАЯ БОМБА — ПОВОРОТНАЯ ТОЧКА НАШЕЙ ЭПОХИ.

Въ первый разъ за нашу исторію появилось такое оружіе, которое не только обладаетъ исключительной разрушительной силой на поляхъ сраженій, но и силой, способной настолько разрушить тылъ, чтобы сдѣлать продолженіе войны для атакованнаго безнадежнымъ.

Разрушительная сила атомной бомбы настолько велика, что намъ нельзя больше разсматривать ее какъ раньше, какъ оружіе противъ вооруженныхъ силъ противника, но какъ оружіе "тоталитарное", направленное на разрушеніе всей страны противника.

До настоящаго времени каждому орудію разрушенія довольно быстро и противопоставлялось оружіе оборонительное.

Такъ въ длинномъ, скажемъ вѣковомъ, состязаніи огнестрѣльнаго оружія и брони перевѣсъ переходилъ то на одну сторону, то на другую. Въ военной техникѣ, такимъ образомъ, мы имѣли, какъ бы иллюстрацію физическаго закона: "дѣйствіе равно противодѣйствію".

По мѣрѣ того, какъ съ Первой Міровой Войны, фронтъ и тылъ, съ появленіемъ авіаціи, стали сливаться, пришлось подумать о защитѣ не только военной силы, но и населенія городовъ, такъ какъ для того, чтобы держать одного воина на фронтѣ, оказалось нужнымъ имѣть до десятка рабочихъ, занятыхъ производствомъ военнаго снабженія. Вторая Міровая Война сопровождалась разрушеніемъ тыла въ небываломъ размѣрѣ. Такъ въ Германіи было разрушено около 15% всѣхъ жилищъ, несмотря на то, что нѣмцы обладали прекрасными оборонительными орудіями и со своей стороны производили опустошительные набѣги на Великобританію.

Разбирая результаты послѣдней войны мы видимъ, что она была выиграна Союзниками черезъ разрушеніе военной промышленности Германіи и Японіи, чѣмъ были ослаблены арміи враговъ и была уничтожена ихъ сила сопротивленія.

Такъ, въ Японіи къ моменту сдачи оставалась армія до 5 милліоновъ не разбитыхъ войскъ, для которыхъ сопротивленіе было сдѣлано безцѣльнымъ благодаря истребленію средствъ подвоза, авіаціи и главнаго военнаго снабженія всякихъ родовъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что и до изобрѣтенія атомной бомбы, удары направлялись по тылу. Разница однако заключалась въ томъ, что возможность истребленія тыла требовала подавляющаго превосходства въ авіаціи и въ способности производить военное снабженіе. Наши противники были разбиты не только мужествомъ войскъ со-

юзниковъ, но и высокой производительностью американской и, отчасти, русской промышленности.

Теперь передъ нами картина совершенно другая: разрушенія тыла противника вопросъ одного удара - одной атаки. Рядъ ученыхъ физиковъ, которые принимали непосредственное участіе въ изготовленіи атомныхъ бомбъ и въ подготовительныхъ работахъ для постройки заводовъ для приготовленія урана — 235 и плутоніума, въ печати указали, что одна удачная атака можетъ истребить въ Америкѣ до 40 милліоновъ жителей, что естественно и кончитъ войну. Если мы сами воспользуемся тѣми данными, которыя проникли въ печать, то увидимъ, что уничтоженіе въ Японіи даютъ цифру въ 200-250 тысячъ на бомбу. Если мы прибавимъ къ этому, что въ случаѣ съ первой бомбой населеніе было предупреждено и потому часть покинула обреченный городъ, а такъ же, что эффективность того процесса, который примѣняется въ теперешнихъ бомбахъ (расщепленіе урана) только одна десятая процента, то намъ не будетъ основанія не довѣрять заявленію ученыхъ физиковъ.

Благодаря возможности кончить войну однимъ ударомъ, мы видимъ, что идея "блицъ крига" нашла въ атомной бомбѣ свое лучшее воплощеніе. Благодаря тому, что войну выигрываетъ тотъ, кто начинаетъ первый, а начинать онъ можетъ тогда, когда онъ готовъ, т. е., когда онъ приготовилъ достаточно бомбъ для того, чтобы произвести ударъ, атакующій можетъ и не обладать высокой производительностью, ибо онъ можетъ "накапливать бомбы" и быть готовымъ использовать ихъ для неожиданной атаки. Не важно такъ же, если у атакующаго атомныя бомбы не будутъ лучшими, чѣмъ у тѣхъ, кого онъ атакуетъ, ибо все расчитано на то, что отвѣтнаго удара онъ не получитъ.

Вопросъ о томъ, нѣтъ-ли какого-нибудь средства для того, чтобы охранить себя отъ внезапнаго удара, до настоящаго времени рѣшается отрицательно. Возможность использовать усовершенствованныя ракеты съ автоматической регулировкой, ведущей ихъ на цѣль, съ высотой полета внѣ возможнаго обстрѣла (стратосферныя ракеты со скоростью въ 3000 миль въ часъ) дѣлаютъ оборону безнадежной.

Промелькнувшая было надежда на радіо-лучи (радіо прожектора для взрыва атомическихъ бомбъ на большомъ разстояніи) была отброшена, какъ не соотвѣтствующая современнымъ возможностямъ техники. Мы приходимъ къ выводу, что для того, чтобы предотвратить разрушенія цѣлыхъ государствъ или, вѣрнѣе, промышленныхъ центровъ въ этихъ государствахъ, возможно только распыленіе индустріи и самого населенія, чтобы сдѣлать невозможнымъ рѣшеніе войны однимъ ударомъ. Съ другой стороны, атакующій знаетъ, что онъ въ свою очередь будетъ атакованъ и подвергнется разрушенію и что, въ такомъ случаѣ, снова выступитъ на сцену относительная инду-

стріальная подготовка воюющихъ.

Надо отмѣтить, что просто скрыть заводы подъ землю технически болѣе, чѣмъ трудно, а скрыть туда же цѣлые города просто невозможно, да и уязвимость такихъ городовъ съ помощью саботажа, тѣми же атомными малыми бомбами, будетъ очень велика.

Если мы перейдемъ на практическую почву, то увидимъ, что распыленіе городовъ и разселеніе всего населенія обойдется въ такія страшныя деньги и вызоветъ такую перемѣну въ нашей индустріальной жизни, что можно говорить объ такой перемѣнѣ, какъ объ революціи. Вопросъ о томъ, сколько понадобилось бы времени на такое распыленіе и связанное съ нимъ экономическое потрясеніе дѣлаетъ такое рѣшеніе не реальнымъ.

Исчерпавъ возможности военныя и возможности въ самомъ государствѣ для защиты и не найдя въ нихъ отвѣта на роковой вопросъ, мы переходимъ къ рѣшенію въ плоскости международной — международное соглашеніе. съ международной полиціей, которая могла бы слѣдить за производствомъ бомбъ и принимать мѣры къ уничтоженію таковаго. Только что появилось сообщеніе, что существующіе детектора позволяютъ опредѣлять мѣсто производства плутонія и урана - 235 или, вѣрнѣе, сопутствующихъ этому производству радіоактивныхъ газовъ. Можно, значитъ, было бы снабдить международную полицію нужными приборами наблюденія. Къ сожалѣнію, на пути международнаго соглашенія, которое потребовало бы отказъ для участниковъ отъ суверенитета, лежитъ почти непреодолимая преграда: "отсутствіе довѣрія другъ къ другу среди тѣхъ 5 державъ, которыя могли бы обзавестись бомбами".

Недовѣріе и, правду говоря, заслуженное такъ велико, что создать новый международный аппаратъ будетъ трудно, если не произойдетъ настоящаго чуда, если человѣчество не прозрѣетъ пока еще не поздно. То, что мы наблюдаемъ сейчасъ, не даетъ намъ права надѣяться на чудо: военныя вѣдомства всего міра растерянно ищутъ отвѣта на вопросъ: какъ можно продолжать состязаніе въ вооруженіяхъ при наличіи атомныхъ бомбъ. Американскій флотъ готовится потопить треть своихъ судовъ для того, чтобы получить отвѣтъ на вопросъ: можно ли разрушить эскадру на ходу или на якорѣ атомными бомбами и при какихъ условіяхъ. Атомныя бомбы выдѣляютъ громадное количество тепла, которое можетъ быть будетъ поглощено при взрывѣ въ водѣ и тогда, противъ цѣлей на водѣ, онѣ окажутся менѣе дѣйствительными, чѣмъ противъ сухопутныхъ.

На международномъ фронтѣ все идетъ подъ лозунгомъ: "Сарынь на Кичку" и "Господа берегите Ваши карманы".

П. Е. Стоговъ.

Примѣчаніе Редакціи: Появленіе атомнаго блицкрига, направленнаго къ окончанію войны однимъ ударомъ такой силы, чтобы атакованный не могъ даже отвѣтить, вызываетъ необходимость въ созданіи подвижныхъ секретныхъ атомическихъ базъ.

Подобныя базы могутъ быть установлены на судахъ флота, пребываніе которыхъ должно быть секретнымъ даже въ мирное время. Новая роль флота для защиты отъ грозной опасности пріобрѣтаетъ исключительную важность, ибо, не только лишаетъ зачинщика безнаказанности, но и гарантируетъ ему полное возмездіе.

Появленіе атомной энергіи, какъ военнаго оружія, не знаменуетъ собой, что флотъ уже пропѣлъ свою лебединую пѣсню, а является причиной увеличенія значенія флота въ оборонѣ Америки.

Генералъ-Маіоръ Г. Д. ИВИЦКІЙ.

НА ПОБЕРЕЖЬИ КАСПІЯ ВЪ ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ.

(Продолженіе)

Сначала мнѣ было очень трудно и тяжело въ должности начальника гарнизона: со своими 15-ю юнкерами я былъ совершенно одинокъ. Но постепенно, день за днемъ и въ концѣ концовъ въ теченіи небольшаго отрѣза времени, около этого ядра образовался порядочный кругъ военнослужащихъ гарнизона, который подчинился требованіямъ дисциплины. Подчинившись самъ, онъ старался ввести дисциплину и вокругъ себя - гдѣ примѣромъ, а гдѣ и начальнической строгой рукой.

Изъ сотенъ случаевъ запомнился ярко одинъ. Слышу однажды стукъ экипажа, пронесшагося мимо моего окна, крики и выстрѣлы.

Приказываю своимъ бравымъ молодцамъ выяснить въ чемъ дѣло. Черезъ нѣсколько минутъ появляется дежурный офицеръ и докладываетъ, что безобразничали два сильно подвыпившихъ офицера, прикомандированные къ конно-осетинскому дивизіону, штабсъ-ротмистръ князь Э. и сотникъ А. Оба задержаны и ожидаютъ въ сосѣдней комнатѣ.

Приказываю ввести ко мнѣ. Штабсъ-ротмистръ князь Э., съ трудомъ удерживая равновѣсіе, старается принять воинскій видъ. Сотникъ же А. держится крѣпче и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно развязно. Сдѣлавъ вольтъ ногой и, держа въ рукѣ револьверъ, съ мѣста заявля-

етъ: "а, знаете, полковникъ, я могу очень мѣтко стрѣлять во всѣ четыре стороны!"

"Прекрасно, дайте ка сюда эту штуку, изъ которой Вы такъ ловко стрѣляете. И я, сжавъ его кисть, принудилъ выпустить револьверъ. Теперь дайте вашу шашку. Исполнилъ безпрекословно. Приказавъ и князю Э. отдать револьверъ и шашку, я отправилъ обоихъ подъ конвоемъ на гауптвахту.

Штабсъ-ротмистра я освободилъ черезъ три дня, а неудачный стрѣлокъ просидѣлъ двѣ недѣли. Сначала онъ былъ посаженъ на семь сутокъ, но на свое несчастье этотъ сотникъ оказался мѣстнымъ уроженцемъ и за него пришли просить "дяди" и "тети". Я никакъ не могъ отъ нихъ отвязаться и, наконецъ, громко приказалъ адъютанту въ присутствіи тетей прибавить ихъ племяннику еще недѣлю. И предупредилъ, что, если они будутъ еще ко мнѣ приставать, то сотникъ А. неизмѣнно будетъ получать прибавку.

Родственники, съ низкими поклонами, пятясь къ двери, исчезли.

Сотника А. я выпустилъ ровно черезъ двѣ недѣли, приказавъ по отбытіи наказанія явиться ко мнѣ. Передо мной предсталъ хорошо выправленный, четкій офицеръ - разнузданности ни слѣда. Лично вручивъ ему шашку и револьверъ, выразилъ надежду, что впредь онъ будетъ стрѣлять только въ сторону дѣйствительнаго непріятеля. Сотникъ А. даже покраснѣлъ и, отчетливо повернувшись кругомъ, удалился. Въ будущемъ, до самаго перевода конно-осетинскаго дивизіона въ Закаспій, ни штабсъ-ротмистръ князь Э., ни сотникъ А. въ безшабашности замѣчены не были и въ самомъ дивизіонѣ стало потише.

Появляясь въ собраніи, офицеры вели себя вполнѣ прилично, а, если кто и чувствовалъ себя "а-бон-куражъ", то опасливо прислушивался не появится ли начальникъ гарнизона. Былъ случай, что одинъ изъ такихъ опасавшихся, молодой мичманъ, будучи отрѣзанъ отъ входной двери появившимся начальникомъ гарнизона, съ ловкостью и быстротой молодого барса исчезъ въ окнѣ.

При встрѣчѣ я выразилъ ему восхищеніе за его ловкій полетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленіе почему онъ предпринялъ это рискованное сартемортале, которое и не всякому трезвому по плечу. Оказывается мичманъ нагружался съ горя по "предмету", но на завтра рѣшилъ окончательно объясниться и вдругъ, на порогѣ гроза гарнизона! Молніей мелькнула мысль — "губа!" и прости-прощай завтрашняя возможность! Молніеносная мысль толкнула на молніеносный выходъ. Впослѣдствіи мы съ этимъ мичманомъ, а равно и съ другими, попавшими въ такое "неловкое положеніе", становились, какъ бы пріятелями.

Мои требованія начинали понимать, и мнѣ въ управленіи гар-

низономъ становилось все легче и легче.

Я останавливаюсь на этой незначительной лентѣ мелкихъ событій потому, что хочу указать, что упреки и нападки на личный составъ Добрарміи несовсѣмъ справедливы: каждый членъ личнаго состава имѣетъ всегда и положительныя и отрицательныя стороны характера и души. Для всѣхъ армій міра это непреложный законъ, а въ арміяхъ гражданскихъ войнъ всегда элементъ отрицательный доминируетъ надъ элементомъ положительнымъ. Въ нашу бѣлую борьбу выскакивала на верхи часто безусая молодежь, имѣвшая совершенно превратное представленіе о законахъ и вытекающихъ изъ нихъ обязанностяхъ и правахъ. Все же кадровое офицерство, дисциплинированное и знающее, должно было пасовать передъ новоявленными "наполеонами". Но, къ сожалѣнію, и тѣ немногіе кадровые, которые были облечены властью, не чувствовали достаточно силъ, чтобы противостоять молодому, сносящему всѣ старые устои, потоку, и предпочитали плыть по теченію.

Въ дальнѣйшемъ мною будутъ приведены нѣкоторые примѣры, а теперь я попрошу читателя вспомнить хотя бы портъ-петровскаго Наполеона, безусаго мальчика полковника, командира броневого дивизіона. О немъ я упоминалъ въ началѣ моихъ замѣтокъ.

Положеніе добровольческаго командованія, а въ частности и мое, было крайне затруднительно. Главной причиной затрудненій оказывались наши "союзники-англичане".

Сначала эти англійскія палки въ колеса я объяснялъ недоразумѣніями или нѣкоторымъ взаимнымъ непониманіемъ двухъ діаметрально противоположныхъ націй.

Кажется другой разъ все выяснено — пришли къ какому-то опредѣленному соглашенію. Начинаешь проводить въ жизнь и сразу же натыкаешься на спички, а потомъ и на заостренные колышки англійской "помощи". Но, если проявляешь настойчивость, то, въ конечномъ результатѣ, англичане успокаиваются. Было это несовсѣмъ понятно, но въ скоромъ времени для меня все стало ясно.

Помню, прибылъ изъ Баку на одномъ русскомъ, подъ англійскимъ флагомъ, пароходѣ, авторъ приказа № 1-й, Соколовъ. Зачѣмъ это золото привезли въ Портъ-Петровскъ — не знаю. Не думаю, чтобы препроводить его дальше къ главному командованію Добрарміи: ясно, что его тамъ судили бы и повѣсили, какъ одного изъ первыхъ растлителей доблестной Императорской арміи. Надо полагать, что эту драгоцѣнность приберегали на случай.

Узнавъ, что Соколовъ въ порту, я немедленно приказалъ капитану Кирсанову взять взводъ и арестовать прибывшаго, какъ только онъ пожелаетъ промять ноги на русской землѣ. Капитанъ Кирсановъ не могъ въ первый день исполнить моего приказанія, такъ какъ

Соколовъ не сошелъ съ парохода. На второй, когда этотъ индивидуумъ вышелъ на молъ прогуляться, Кирсановъ хотѣлъ взять его подъ бѣлыя руки, но англичане вступились за него, заявивъ, что онъ ихъ гость и арестовать его они не позволятъ.

Мною было отдано опредѣленное приказаніе "если появится на берегу, немедленно арестовать, несмотря на возможный протестъ англичанъ. Это и было бы сдѣлано, но... въ моментъ начала объясненій, мистеръ Соколовъ улепетнулъ на пароходъ, т. е. на "англійскую территорію".

Кирсановъ прозѣвалъ моментъ, за что и былъ достаточно взмыленъ, но птичка улетѣла безвозвратно. Куда англичане препроводили Соколова, мнѣ неизвѣстно, но больше о немъ не было ни слуху, ни духу.

Все это казалось ненормальнымъ до того момента, пока мнѣ не было показано секретное распоряженіе командующаго англійскимъ флотомъ въ русскихъ водахъ, адмирала Сеймура. Послѣдній указывалъ коммодору Норрису, что всѣми способами надлежитъ чинить командованію Добрарміи препятствія, но при настойчивости съ его стороны - уступать.

Приблизительно мѣсяца черезъ два, въ Портъ-Петровскѣ было учреждено градоначальство и я былъ назначенъ градоначальникомъ, оставаясь и въ должности начальника гарнизона.

Мнѣ никогда не приходилось быть на административныхъ должностяхъ и я совершенно не зналъ, чѣмъ должно руководствоваться въ томъ или иномъ случаѣ. Никакихъ указаній или инструкцій не было. Я раздобылъ Сводъ Законовъ Россійской Имперіи, изъ котораго и ознакомился съ обязанностями и правами градоначальника и съ основными административными положеніями.

На посту градоначальника мнѣ пришлось убѣдиться, что и въ частную жизнь просачивалось англійское нахальство. Если англійскіе верхи вели себя, какъ въ завоеванной странѣ, то рядовое офицерство и нижніе чины позволяли себѣ выходки, допустимыя только въ кабакѣ.

Какъ иллюстрацію, привожу два, запомнившихся случая.

Въ городскомъ скверѣ началъ появляться какой то англійскій офицеръ съ бульдогомъ и развлекался травлей проходившихъ собакъ. Ко мнѣ поступило нѣсколько заявленій отъ хозяевъ растерзанныхъ и пострадавшихъ псовъ. Написалъ кому слѣдуетъ. Отвѣта получить не удостоился. Приказалъ при первой же новой травлѣ, бульдога застрѣлить. Бульдогъ былъ казненъ. Протестовъ не было.

По приказанію начальника края, генерала Эрдели, мнѣ пришлось проѣхать въ Дербентъ произвести разслѣдованіе по поводу происходящихъ тамъ треній между военными и гражданскими властя-

ми. При обратномъ возвращенiи, подъ самымъ моимъ носомъ, дверь моего купэ была захлопнута и заперта какими то двумя англiйскими офицерами, самовольно его занявшими. Районъ мнѣ подчиненъ не былъ, а потому принять какiя либо мѣры я не могъ. Послалъ телеграмму въ Петровскъ выслать взводъ для ареста кейфующихъ въ моемъ купе нахаловъ.

При выходѣ они были окружены, но, считая себя хозяевами въ завоеванной странѣ, полѣзли въ боксъ. Были приняты дружно по русски "съ размаху". Протестовъ тоже не было, несмотря на крѣпко попорченныя физiономiи.

Всѣ чины гарнизона постоянно возмущались нахальствомъ нашихъ союзниковъ и потому, при случаѣ, не жалѣли силъ и "старались".

Въ общемъ и здѣсь, съ этой иностранной стороны, стало потише.

Мои административныя распоряженiя проводились въ жизнь довольно легко и въ этомъ мнѣ содѣйствовалъ начальникъ стражи (по прежнему полицеймейстеръ), мѣстный уроженецъ, военный чиновникъ, по имени Али — фамилiю забылъ.

Всѣ мои распоряженiя онъ проводилъ неукоснительно и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ очень озабоченъ моей безопасностью: я сталъ замѣчать, что куда бы я не отправился, за мной слѣдовали шесть тѣней въ буркахъ. Когда я спросилъ Али въ чемъ дѣло, онъ доложилъ, что я такой большой (онъ выразился - великiй) начальникъ, что если со мной что нибудь случится, долженъ отвѣчать онъ, а потому моя охрана необходима. Сначала я старался убѣдить его, что это совершенно излишне. Онъ не соглашался. Тогда я приказалъ, чтобы больше этого не было. Али промолчалъ. Но избѣжать своихъ тѣней я не могъ — въ отдаленiи продолжали маячить мои тѣлохранители. Въ концѣ концовъ махнулъ рукой — пускай себѣ ходятъ.

Вскорѣ случился трагикомическiй случай: я шелъ вечеромъ по темной улицѣ, подымаясь въ гору къ офицерскому собранiю. На углу Инженерной улицы, что то вдругъ щелкнуло и освѣтило передо мной горбоносое лицо съ рыжей бородой. Прозвучали еще два выстрѣла. Только послѣ третьяго я понялъ, что стрѣляютъ въ меня. Инстинктивно взмахнулъ стекомъ. Что то упало и покушавшiйся бросился бѣжать. Вслѣдъ за нимъ, какъ демоны, въ развѣвающихся буркахъ, совершенно безшумно пронеслись всѣ шесть моихъ тѣней и за поворотомъ открыли бѣшеную стрѣльбу. Я нагнулся. У моихъ ногъ лежалъ крупнаго калибра Смитъ и Вессонъ. Подходя къ собранiю, увидѣлъ спѣшащаго ко мнѣ сконфуженнаго Али. Онъ не взялъ, какъ обычно подъ козырекъ, а снявъ фуражку, низко склонился, коснувшись рукой сначала лба, потомъ сердца и затѣмъ земли. Этимъ онъ признавалъ

свою вину и выражалъ радость по поводу моего спасенія. Мнѣ осталось только поблагодарить его за быструю оріентировку и скорое прибытіе къ мѣсту происшествія. Преступникъ скрылся безслѣдно. Ходили слухи, что мои тѣни все же его догнали. Но офиціально мнѣ ничего не было извѣстно.

По назначеніи меня градоначальникомъ, мнѣ пришлось столкнуться и съ внѣшнимъ міромъ.

Однажды дежурный офицеръ докладываетъ, что прибыли члены Закаспійскаго Правительства и желаютъ меня видѣть. Входитъ генералъ-лейтенантъ фонъ П. и дѣйствительный статскій совѣтникъ Д. Изъ разговора выясняется, что съ ними прибылъ грузъ хлопка, который долженъ быть направленъ въ Англію, въ Ливерпуль, для выдѣлки бязи для Доброарміи.

"Почемъ же обойдется, Ваше Превосходительство, аршинъ бязи?" — "Не дорого, по нынѣшнимъ временамъ, - 40 рублей".

"А сколько займетъ время, считая путь въ обѣ стороны и самую выдѣлку?" "Думаю, около четырехъ мѣсяцевъ".

"Срокъ очень большой, а нужда арміи въ бѣльѣ колоссальная. Не лучше ли будетъ выгрузить хлопокъ здѣсь и передать на бязевую фабрику Петровска? Аршинъ бязи здѣсь обходится 16 рублей и, принимая во вниманіе экономію времени на доставку въ Ливерпуль и обратно, армія получитъ первую партію матерьяла для бѣлья уже приблизительно черезъ недѣлю, а все будетъ выполнено черезъ какой либо мѣсяцъ".

"Это невозможно, у насъ соглашеніе и мы должны направить хлопокъ въ Ливерпуль, а потому прошу насъ болѣе не задерживать и выдать разрѣшеніе на вывозъ его черезъ Баку".

"Я доложилъ Вашему Превосходительству о неотложной нуждѣ арміи въ бѣльѣ, о выигрышѣ времени и разницы цѣнъ. Я не смѣю Васъ задерживать, но хлопокъ останется въ Петровскѣ и поступитъ на мѣстную бязевую фабрику".

"Мы будемъ жаловаться и, смотрите, полковникъ, Вамъ не поздоровится".

Благодарю за заботы о моемъ здоровьѣ, но это дѣла не измѣнитъ, хлопокъ останется здѣсь и сегодня же начнется его выгрузка на берегъ. Начальнику края, генералу Эрдели, будетъ немедленно послана о моемъ рѣшеніи телеграмма, а на дняхъ я и самъ проѣду для личнаго доклада. Прошу простить, Ваше Превосходительство, но въ пріемной меня ожидаетъ много посѣтителей".

Высшее начальство стало опредѣленно на мою сторону и я получилъ одобреніе своимъ дѣйствіямъ.

Вспоминается и проѣздъ новаго командующаго войсками Закаспійской области генералъ-лейтенанта Б. По виду ему было лѣтъ

35-40. Узнавши о его прибытіи, я немедленно пошелъ представиться старшему въ чинѣ.

Генералъ обѣдалъ со своей свитой въ городскомъ собраніи. Разливанное море, пѣсни, крики. Среди пирующихъ мой знакомый генералъ-лейтенантъ Н., тоже не старше 40 лѣтъ. Какъ только я вошелъ, онъ немедленно наполнилъ виномъ что то вродѣ полоскательницы, и предложилъ выпить за ихъ успѣхъ. Отказаться по обстоятельствамъ и обстановкѣ было нельзя. Съ полоскательницей справился легко, но отъ дальнѣйшаго отказался, ссылаясь на неотложныя дѣла. Никакихъ дѣловыхъ вопросовъ задано не было и я поспѣшилъ ретироваться.

Вскорѣ прибылъ съ нѣкоторыми терскими частями Генералъ-Майоръ П.

Я продолжалъ, несмотря на присутствіе старшаго въ чинѣ, быть начальникомъ гарнизона: въ началѣ, по всей территоріи Добровольческой арміи, назначались постоянные начальники гарнизоновъ, такъ какъ части на мѣстахъ долго не задерживались и частая смѣна начальниковъ гарнизоновъ шла бы вразрѣзъ интересамъ дѣла. Но, приблизительно черезъ три-четыре мѣсяца, былъ введенъ въ жизнь нормальный гарнизонный уставъ и я сдалъ должность ген. П., оставшись градоначальникомъ.

Черезъ нѣсколько дней я поѣхалъ въ Пятигорскъ съ очереднымъ докладомъ къ ген. Эрдели. По пріѣздѣ получаю отъ своего помощника телеграмму о разгромѣ градоначальства адъютантомъ ген. П., который, по якобы полученному имъ приказанію, вывезъ съ сотней казаковъ, силой, всю мебель, машинки и прочее, чѣмъ парализовалъ работу градоначальства.

Ген. Эрдели послалъ немедленно надирную телеграмму ген. П. съ приказаніемъ все вернуть на мѣста и произвести разслѣдованіе.

Возвратившись, я нашелъ только половину того, что было похищено. Долго и непріятно мнѣ пришлось убѣждать ген. П. о необходимости возврата всего взятаго и наложенія взысканія на слишкомъ, говоря деликатно, рьянаго адъютанта.

Генералъ фуфырился, нѣсколько разъ въ повышенномъ тонѣ бросалъ "потрудитесь..." и проч., но, въ концѣ концовъ, я поставилъ вопросъ ребромъ: "прошу помнить, что я въ никакой мѣрѣ Вамъ не подчиненъ и что Вы пользуетесь правами лишь командира бригады, а я - правами командира корпуса. И, если Вы не наложите взысканія на своего адъютанта за своеволіе, то я, согласно предоставленному мнѣ по закону Россійскаго Государства праву, его арестую самъ и буду просить начальника края прислать спеціальное лицо для разслѣдованія.

Все было возвращено. При пріемѣ вещей присутствовалъ

лично и требовалъ, чтобы каждая вещь была поставлена точно на то мѣсто, съ котораго была взята. Адъютантъ старался изо всѣхъ силъ и тянулся передо мною во всю.

Въ дѣлѣ управленія градоначальствомъ и въ знакомствѣ съ характеромъ, бытомъ, обычаями и традиціями края, мнѣ много помогалъ совѣтами и разъясненіями, бывшій шталмейстеръ Двора Императора Александра 3-го, Казаналиповъ.

Онъ и его сестра, княгиня Тарковская, были богатѣйшими людьми. У него была масса родственниковъ и по прямой и по косвенной линіи, начиная отъ племянника, бывшаго конвойца, блестящаго гвардейскаго полковника, князя Тарковскаго, и кончая простымъ тавлинцемъ-дикимъ и безграмотнымъ. Вся эта плеяда родственниковъ и свойственниковъ, такъ сказать, купалась въ отраженныхъ лучахъ своего именитаго родоначальника и относилась къ нему съ полной почтительностью и уваженіемъ. Въ мѣстныхъ кругахъ его звали — "некоронованный Царь Дагестана".

Вспоминается характерный случай: наслѣдникомъ богатствъ, почестей и славы Казаналипова являлся тавлинецъ Али-Али. Казаналипову было за шестьдесятъ, а Али-Али подъ шестьдесятъ, но послѣдній никогда не садился въ присутствіи Казаналипова. Однажды Казаналиповъ попросилъ довезти его и Али-Али до Пятигорска. Увидѣвъ въ пути, что Али-Али стоитъ въ дверяхъ, я, предполагая, что онъ стѣсняется меня, предложилъ ему сѣсть. Но онъ, приложивъ руку ко лбу и сердцу, молча поклонился и остался стоять въ дверяхъ. Выбравъ минуту, Казаналиповъ мнѣ пояснилъ: "никогда, Г. Д-чъ, не предлагайте ему сѣсть въ моемъ присутствіи — это запрещено обычаями. Онъ можетъ сѣсть только когда мы одни, и то съ моего разрѣшенія. Вотъ, когда я умру, онъ получитъ всѣ права и передъ нимъ также будутъ почтительно стоять младшіе. Въ этомъ, Г. Д-чъ, большая наша сила!"

Градоначальство Портъ-Петровска распространялось на нѣкоторыя окрестныя селенія мѣстныхъ жителей-тавлинцевъ и я, всегда, когда дѣйствія и распоряженія касались этихъ селеній, обращался за совѣтомъ къ Казаналипову и каждый разъ его совѣты приводили къ желательнымъ результатамъ.

Однажды, еще во время совмѣщенія мною должностей начальника гарнизона и градоначальника, пришелъ ко мнѣ Казаналиповъ. "Плохо дѣло, Г. Д-чъ, нѣсколько человѣкъ вашего гарнизона ограбили возы, шедшіе въ Петровскъ на базаръ. Мнѣ сообщилъ объ этомъ уважаемый человѣкъ и просилъ о возвращеніи всего, иначе — они знаютъ грабителей — хорошаго ждать трудно".

Я понималъ, что изъ маленькой искры можетъ разгорѣться пожаръ и просилъ Казаналипова употребить все свое вліяніе на пострадавшихъ, а я приму мѣры къ возвращенію похищеннаго.

Вотъ это былъ тотъ случай, когда пришлось, какъ я упоминалъ въ первой части моихъ записокъ, прибѣгнуть къ военно-полевому суду. Виновные понесли наказаніе, все было найдено и возвращено.

Въ скоромъ времени я былъ вознагражденъ. Возвращаясь однажды съ объѣзда, я нагналъ возъ съ арбузами, сзади котораго шелъ босой горецъ. Два стражника, сопровождавшіе меня, подскакали и доложили, что идущій за возомъ - извѣстный мѣстный разбойникъ и именно тотъ, за поимку котораго мною была назначена награда. Я приказалъ стражникамъ доставить разбойника въ Петровскъ, до котораго оставалось не больше двухъ верстъ, а самъ поѣхалъ впередъ.

Только что подъѣхалъ къ градоначальству и не успѣлъ слѣзть съ лошади, какъ меня на карьерѣ догналъ одинъ изъ оставленныхъ стражниковъ и доложилъ, что разбойникъ застрѣлилъ другого стражника, ранилъ слегка его, а самъ ушелъ въ горы. Приказавъ выслать къ мѣсту происшествія автомобиль, я немедленно вернулся туда. Оказалось, что стражникъ не убитъ, а серьезно раненъ въ пахъ.

Подъѣхавшій автомобиль взялъ раненаго. Выяснилось, что разбойникъ попросилъ взять съ воза сапоги, но вмѣсто сапогъ выхватилъ изъ подъ арбузовъ винтовку, произвелъ въ стражниковъ два выстрѣла, а самъ бросился въ горы.

Поймать его являлось вопросомъ престижа и тутъ то мнѣ помогли тѣ жители, которыхъ я защитилъ незадолго до этого. Главную роль здѣсь игралъ, конечно, Казаналиповъ.

Ко мнѣ явился одинъ изъ чиновниковъ моей стражи, Алалаевъ, и, ссылаясь на "некоронованнаго Царя Дагестана", просилъ поручить ему поимку разбойника. Черезъ нѣсколько дней разбойникъ сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Я хотѣлъ наградить Алалаева, но онъ доложилъ, что онъ не одинъ его поймалъ и что другіе никакой награды не хотятъ — они чувствуютъ себя мнѣ обязанными.

Я все же настойчиво его спрашивалъ что онъ, какъ руководитель поимки, желалъ бы получить. Тогда онъ, слегка покраснѣвъ, сказалъ: "если ужь хочешь, сдѣлай такъ, чтобы мой узкій погонъ былъ широкій погонъ. Я имѣю "джигитъ" (онъ показалъ на свой солдатскій георгіевскій крестъ), а погонъ маленькій, понимаешь - не хорошо!"

Я доложилъ ген. Эрдели и Алалаевъ былъ переименованъ въ прапорщики. При встрѣчѣ Казаналиповъ сказалъ мнѣ: "теперь на Алалаева Вы можете положиться, какъ на самого себя, — онъ не измѣнитъ Вамъ ни при какихъ обстоятельствахъ".

Я сталъ давать Алалеву порученія и часто рискованныя. Онъ выслушивалъ меня съ горящими глазами и всегда точно исполнялъ эти порученія, нерѣдко рискуя и головой.

Генералъ-отъ-инфантеріи А. Я. Ельшинъ.

НА СУШѢ И НА МОРѢ.

Воспоминанія.

Глава 8.

ЧТО НЕ ДѢЛАЕТСЯ, — ВСЕ КЪ ЛУЧШЕМУ.

Изъ за перелома двухъ реберъ, пришлось нѣсколько задержаться въ С. Петербургѣ, для діагноза столичныхъ врачей. Въ это время въ полномъ разгарѣ шли засѣданія "Совѣта Государственной Обороны", подъ высшимъ Окомъ, всесильнаго въ ту пору, Великаго Князя Николая Николаевича, привлекшаго всѣхъ министровъ и видныхъ дѣятелей, среди которыхъ былъ сподвижникъ его, Генералъ-отъ-Инфантеріи Александръ Павловичъ Протопоповъ.

Въ Совѣтѣ, "для объединенія силъ Арміи и Флота", шли упорные доводы о необходимости преобразованія Морского Министерства въ Главное Морское Управленіе при Военномъ Министерствѣ, на манеръ прочихъ Главныхъ Управленій всѣхъ вооруженныхъ силъ Имперіи.

Разумѣется, Александръ Павловичъ, никакъ не могъ допустить никакого шага назадъ въ развитіи вооруженной силы Россіи. Во избѣжаніе разнобоя въ защитѣ Государства, конечно, очень важно, чтобы Верховное Главнокомандованіе было едино въ Имперіи, чтобы всѣмъ управляла одна Голова и одна Воля, но высшая военная мысль и жизнь должны считаться съ военно-команднымъ духомъ на сушѣ и на морѣ, занимающемъ въ два раза большее пространство на всей Планетѣ, чѣмъ суша.

Флотъ, втиснутый въ сухопутныя рамки, не можетъ процвѣтать на океанахъ, какъ пальма изъ подъ солнца, запертая въ оранжерею, не въ силахъ пышно разцвѣсти; въ подневольномъ флотѣ не родятся Великіе Флотоводцы. Когда эти мысли были запечатлѣны Великому Князю, отъ него не слышно было возраженій. Великій Князь видѣлъ, что интересы арміи требуютъ большого Флота и что только Армія можетъ добиться отъ страны великихъ жертвъ на созиданіе Флота. А я подумалъ тогда: "кому...кому... а Александру Павловичу флотъ долженъ поставить памятникъ!"

По волѣ Государя Императора, подъ Предсѣдательствомъ

Александра Павловича, состоялась малая Комиссія, въ которой принимали участіе Адмиралъ Алексѣй Алексѣевичъ Бирилевъ, я, Капитанъ 2 ранга А. В. Колчакъ и др.; эта Комиссія должна была составить основныя положенія для организаціи Штаба Десантной экспедиціи на тотъ случай, если таковая потребуется. Съ присущимъ талантомъ и тактомъ, была составлена записка, исчерпывавшая этотъ вопросъ, (не вызвавъ никакихъ треній и отдѣльныхъ мнѣній) и Высочайше одобрена. Кромѣ того, у меня осталось впечатлѣніе о будущихъ задачахъ Флота, на рѣдкость единодушныхъ; всѣмъ было ясно, что нашъ государственный бюджетъ, при наличіи могущественнѣйшаго флота, легче будетъ сбалансировать, чѣмъ теперь, когда мы не имѣемъ. собственно говоря, никакого флота; мы не можемъ создать своего торговаго тоннажа, не можемъ извлекать изъ океановъ, причитающіяся намъ, большія финансовыя возможности, для подъема жизненнаго стандарта страны во всѣхъ отношеніяхъ.

***

Яркое солнце озаряетъ урочище "Багратіоновскій Штабъ" (такъ Высочайше наименована стоянка Багратіоновцевъ въ "Августовскихъ Лѣсахъ").

На полковомъ плацу виденъ монолитъ легендарнаго полка, неизгладимая печать незабвеннаго Шефа, водившаго въ штыки Шенграбенцевъ. Въ строю сверкаютъ Георгіевскія серебряныя трубы, впервые Полку пожалованныя, введенныя въ Россійской Арміи по случаю Шенграбенскаго боя, неслыханнаго даже въ практикѣ Наполеона, по своей дерзости.

Радость неизрѣченная охватила меня, хотя и холодкомъ повѣяло ко мнѣ отъ старыхъ офицеровъ, которымъ я, по виду, годился-бъ въ сыновья. Но вскорѣ они распознали во мнѣ того самого Командира 1-й роты 14-го Пѣх. Олонецкаго полка, книжкой котораго они зачитывались.

Подъ заголовкомъ "Положеніе и бытъ офицера", книжица разошлась давно нѣсколькими изданіями по арміи и обратила вниманіе Престола. Проэктированные въ ней новые оклады, съ небольшими лишь измѣненіями, были объявлены въ Высочайшемъ Приказѣ, а затѣмъ переняты и во Флотѣ, для строевого состава.

Душой и сердцемъ принявшись за командованіе, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ Гродненскаго лагернаго сбора, гдѣ три полка нашей 26-й пѣх. Дивизіи, стоявшія въ Троднѣ, уже готовили Багратіоновцамъ торжественную встрѣчу и обѣдъ. Передъ выступленіемъ въ Гродно, я неожиданно читаю въ "Русскомъ Инвалидѣ", что Командующій Уссурійской Желѣзнодорожной Бригадой, бывшій въ моемъ подчиненіи всю войну и удравшій, во время Владивостокскихъ безпорядковъ, въ отпускъ въ Петербургъ, произведенъ въ Генералы, несмотря на полу-

снисходительную аттестацію. Я рѣшилъ уйдти въ отставку. Простившись съ полкомъ, я подалъ въ Гроднѣ рапортъ объ увольненіи отъ службы и уѣхалъ въ отпускъ, впредь до выхода о семъ Высочайшаго приказа.

Въ С. Петербургѣ, никому не являясь, встрѣчался лишь съ сослуживцами по Амуру Генералъ-Лейтенантомъ Флота Березовскимъ и его преемникомъ на Амурѣ, княземъ Долгоруковымъ, покидавшимъ должность Начальника водныхъ путей Амурскаго бассейна; они завѣрили, что я буду назначенъ на этотъ постъ.

Во время утренняго бритья, замѣчаю, что подъѣхалъ къ подъѣзду автомобиль, потомъ въ передней раздался звонокъ, прислуга подаетъ карточку Начальника Генеральнаго Штаба Ѳедора Ѳедоровича Палицына, говоря, что она, по случаю бритья, не могла его впустить.

Какъ тутъ... думаю себѣ... быть? Друзья рѣшили, что въ воскресенье надо ѣхать (не въ парадной, а въ "обыкновенной формѣ") на квартиру Ѳ. Ѳ. и благодарить за визитъ, а такъ какъ Ѳ. Ѳ., вѣроятно въ праздники не принимаетъ, то расписаться въ визитной книгѣ. Но судьба распорядилась иначе: когда я подымался по парадной къ Ѳ. Ѳ., то онъ въ эту минуту спускался по ней тоже въ обыкновенной формѣ и, увидя меня, вернулся со мною въ кабинетъ. Тутъ онъ предложилъ мнѣ вернуться къ полку и первая-же Генеральская вакансія будетъ дана мнѣ съ производствомъ въ Генералы. Я рѣшительно отказался вернуться въ полкъ и былъ назначенъ, впредь до открытія генеральскихъ вакансій, Помощникомъ 1-го Оберъ-Квартирмейстера Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, Генерала Михаила Васильевича Алексѣева, ставшаго послѣ революціи Верховнымъ Главнокомандующимъ всей Дѣйствующей Арміи.

**
*

Ѳ. Ѳ. далъ мнѣ понять, что время отъ времени надо заглядывать въ Управленіе, но М. В. распорядился устроить мою чернильную кафедру въ его огромномъ кабинетѣ и помогать ему. Я могъ вдоволь насмотрѣться, наслушаться и научиться у самого корифея науки о войнѣ и обхожденію съ питомцами Академіи Генеральнаго Штаба, часто пріѣзжавшими въ столицу со всѣхъ концовъ Россіи.

Всѣ являвшіеся были обворожены его талантами, сердечной теплотой и любезной готовностью устроить всѣхъ какъ можно лучше, обѣщая все и всѣмъ. Все же можно было замѣтить и тонкую разницу въ пріемахъ посѣщавшихъ. Генерала Рузскаго, Полковника Лукомскаго, Добровольскаго, Монкевица, Лебедева, Кондзеровскаго, чернаго Данилова и имъ подобныхъ — М. В. принималъ болѣе скрытно и осторожно, какъ людей особо интимнаго блока.

Наша идилія съ М. В. нарушилась только всего одинъ разъ,

когда М. В. обнаружился мнѣ въ своемъ, дѣйствительно натуральномъ, обликѣ. Мой докладъ, на случай повторенія безпорядковъ во время войны, привелъ его мгновенно въ бѣшенство, столь несвойственное его обычному обращенію; онъ уже не могъ строчить, своимъ мелкимъ бисернымъ почеркомъ, длинныхъ компиляцій и фоліантовъ, и весь красный покинулъ кабинетъ. На другой-же день предо мною былъ тотъ-же симпатичный академикъ, принимавшій мой другой докладъ.

Послѣ назначенія М. В. Начальникомъ Штаба Кіевскаго Военнаго Округа, я оставался за него въ Главномъ Управленіи, почти до 1908 года, и былъ самымъ главнымъ докладчикомъ у Ѳ. Ѳ., по важнѣйшимъ вопросамъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ требовалъ меня не только по Генералъ-Квартирмейстерскому отдѣлу, но и для присутствія при докладахъ прочихъ отдѣловъ Главнаго Управленія, какъ днемъ, такъ и вечеромъ, порой до глубокой ночи, съ чаями и завтраками. Я, шутя, намекалъ, что мнѣ придется поставить и походную кровать.

Я, въ тоже время, отъ Главнаго Правленія состоялъ въ Комиссіи по устройству и Образованію войскъ, Крѣпостномъ Комитетѣ и еще въ семи разныхъ засѣданіяхъ, а также командировался для доклада справокъ въ Военномъ Совѣтѣ, военной комиссіи при Государственной Думѣ, Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ редактировалъ всевозможные доклады. Однажды я подалъ Ѳ. Ѳ-чу, вмѣсто порученнаго мнѣ доклада по Дальнему Востоку, мои соображенія о разрушеніи Германской промышленности, очень его удивившія. Я поступилъ такъ, чтобы напомнить ему, что раньше всего надо готовиться противъ нѣмцевъ.

Михаила Васильевича Алексѣева смѣнилъ Полковникъ Юрій Никифоровичъ Даниловъ. Оба они были продуктомъ большой чернильницы; съ обоими я работалъ въ ихъ огромномъ кабинетѣ. Это были большіе операторы Генеральнаго Штаба, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Они были межъ собою созвучны, хотя и ненавидѣли другъ друга, и довольно загадочны. Сами строчили свои доклады, въ которыхъ были однѣ лишь компиляціи, мало было творчества и почти никакихъ выводовъ, которые предоставлялись усмотрѣнію высшей власти, чтобы не очень отвѣчать за нихъ впослѣдствіи. Они замалчивали десантныя операціи и игнорировали Флотъ. Я никогда отъ нихъ не слышалъ слово "ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ", точно ЕГО не было въ Россіи, рѣдко бывали на молебствіяхъ въ Царскіе Дни.

Въ одинъ осенній день, заваленный картами, я доканчивалъ въ Управленіи свою работу, какъ вдругъ вошелъ Фельдъегерь и вызвалъ меня къ Начальнику Генеральнаго Штаба, только что вернувшемуся изъ Царскаго Села.

"Я уже не Начальникъ Генеральнаго Штаба, говоритъ Ѳе-

доръ Өедоровичъ. ГОСУДАРЬ всемилостивѣйше назначалъ меня Военнымъ Министромъ, но какой же я Военный Министръ?... у меня нѣтъ такой воли, чтобы занять это страшное мѣсто... я счастливъ, что ГОСУДАРЬ снизшелъ къ моему отказу, назначивъ въ Государственный Совѣтъ и сохранивъ мнѣ нынѣшнее содержаніе. Затѣмъ, обнявъ меня, успокаивалъ: "за эти мѣсяцы мы съ вами поработали гораздо больше, чѣмъ съ Михаилъ Васильевичемъ за цѣлый годъ, я не забылъ ваши труды, будьте покойны, — Высочайшій Приказъ о назначеніи васъ Начальникомъ Военныхъ Сообщеній Одесскаго Военнаго Округа конфирмованъ, но будетъ объявленъ на Пасху".

За чаемъ, я не удержался отъ вопроса: зачѣмъ онъ уклонился отъ такого назначенія?... "Я никогда не прощу себѣ, отвѣтилъ онъ, что я далъ слово Генералу Фролову *) назначить чернаго Данилова на мѣсто Михаила Васильевича, а затѣмъ и согласился на его производство!"... такъ обрушился на слабость своей воли, мой обаятельный начальникъ.

Ө. Ө. зналъ наизусть все сосредоточеніе арміи въ случаѣ войны, — когда и гдѣ каждая часть прибываетъ къ мѣсту сосредоточенія. Въ то же время онъ былъ геніальнѣйшимъ руководителемъ полевыхъ поѣздокъ офицеровъ Генеральнаго Штаба. Мнѣ хотѣлось узнать мнѣніе его по этой части объ Мих. Вас. Алексѣевѣ. Онъ прямо отвѣтилъ, что М. В. слабъ въ полѣ, а по стратегіи виситъ на поводу у своего друга Генерала Борисова. Затѣмъ Ө. Ө. коснулся какихъ-то "блокистовъ", но тутъ бесѣда наша кончилась. Только впослѣдствіи, сопоставляя прошлое съ наступившей революціей, я началъ догадываться, что очевидно Ө. Ө. хотѣлъ коснуться небезъизвѣстнаго "прогрессивнаго блока", къ которому были причастны офицеры, неравнодушные къ Михаилу Васильевичу.

Преемники Генерала Палицына, Генералы Сухомлиновъ и Мышлаевскій, привлекли меня въ грандіозную Комиссію по реорганизаціи Арміи, въ которой участвовали авторитетнѣйшіе представители всѣхъ Главныхъ Управленій Военнаго Министерства и научныя силы всѣхъ Военныхъ Академій.

Въ этой стратосферѣ въ ней Генералъ Мышлаевскій шутя обращался ко мнѣ такъ: "а что скажетъ намъ на это Генералъ Ельшинъ?"... на что я отыгривался: "не знаю, какъ посмотритъ Генералъ Ельшинъ, но полковникъ Ельшинъ можетъ доложить то и то..."

Моей основной линіей въ Комиссіи было: удвоить армію такъ, чтобъ каждый полкъ имѣлъ еще и прочный скрытый кадръ, какъ остовъ своего второочередного полка, идущаго въ походъ въ составѣ своего-же 4-хъдивизіоннаго Корпуса (непремѣнно), - изъ 2-хъ основ-

*) Полк. Даниловъ былъ женатъ на родственницѣ Генерала Фролова.

ныхъ и 2-хъ второочередныхъ Дивизій. Въ особенности-же я настаивалъ на тщательной подготовкѣ скрытыхъ кадровъ въ тяжелой артиллеріи, но тутъ-же я бросилъ бомбу: "къ сожалѣнію, ея нѣтъ у насъ, а то, что есть, сплошной хламъ". Но тутъ черный Даниловъ выразилъ удивленіе, — какъ это я, не бывшій въ артиллерійскихъ частяхъ, взялъ смѣлость говорить?... Старый "бомбардиръ-наводчикъ" былъ вынужденъ напомнить, что артиллерія должна знать главное - "стрѣлять, стрѣлять и стрѣлять", а изъ всѣхъ присутствующихъ едва-ли кто больше меня стрѣлялъ на Главномъ Артиллерійскомъ Полигонѣ.

Вся Комиссія, особенно артиллеристы, оказались на моей сторонѣ, а Генералъ Мышлаевскій поручаетъ мнѣ руководить, въ своемъ Мобилизаціонномъ Отдѣлѣ, составленіемъ штатовъ скрытыхъ артиллерійскихъ кадровъ.

Впослѣдствіи Ю. Н. Даниловъ нарушилъ въ идеѣ скрытыхъ кадровъ самое главное, чтобы второочередныя войска непремѣнно остались въ своихъ-же Корпусахъ, дополнивъ ихъ двумя второочередными Дивизіями; онъ разбазарилъ ихъ на разныя второстепенныя цѣли и мѣста, давъ командирамъ возможность сплавить во второочередныя части все худшее, чего они никогда не посмѣли-бы сдѣлать, если-бъ новыя части остались въ своихъ-же Корпусахъ, на глазахъ Начальниковъ Дивизій.

На Пасху я былъ произведенъ въ Генералъ-Маіоры и уже заказалъ мѣста въ скоромъ поѣздѣ, чтобы ѣхать къ мѣсту своего служенія. Изъ Высочайшаго приказа узналъ, что со мною попали въ производство, вопреки закона, Полковники Ю. Даниловъ и Кондзеровскій, которымъ надлежало оставаться еще два года безъ лампасовъ.

Накануне отъѣзда, Ген. Даниловъ предлагаетъ мнѣ по телефону, — не желаю-ли я прекрасную каникулярную командировку въ Ташкентъ? Я отказываюсь и укладываю вещи въ чемоданы. За обѣдомъ новый звонокъ и Юрій Никифоровичъ отчеканиваетъ: "По Высочайшему повелѣнію, Ваше Превосходительство прикомандированы къ Главному Управленію Генеральнаго Штаба и командированы въ Сенаторскую Ревизію Туркестанскаго края".

Въ Ташкентѣ отъ взора Сенатора Графа Палена не ускользнуло, что молодого Генерала не слишкомъ радуетъ командировка. Я чувствовалъ, что мое Одесское начальство имѣетъ полное основаніе быть недовольнымъ моимъ отсутствіемъ. Тутъ Графъ началъ утѣшать, что я вѣдь пять тысячъ получилъ и недоволенъ!... Невѣроятно удивился онъ, когда удостовѣрился, что его курьеръ получилъ на сто рублей больше меня *). Какъ я его не уговаривалъ, но онъ телеграфировалъ

*) Въ то время, вмѣсто прогонныхъ, полагался только билетъ 1-го класса и суточныя деньги.

Военному Министру о такомъ недоразумѣніи, и получилъ полный афронтъ. Тогда Сенаторъ обратился къ Предсѣдателю совѣта Министровъ и добился ассигнованія и мнѣ такой-же суммы изъ десятимилліоннаго кредита, находящагося въ распоряженіи этого совѣта.

Ревизія закончилась докладомъ въ нѣсколько томовъ **) и наградой Сенатора и меня, очередными Орденами, но такой наградой для меня былъ Орденъ Св. Станислава 1-й степени, которая дается только по прослуженіи въ генеральскомъ чинѣ 2-хъ лѣтъ, а не 2 мѣсяца. Я бы не получилъ этого Ордена, если бы къ моему буксиру не прицѣпились Генералы Ю. Даниловъ и Кондзеровскій, совсѣмъ безъ моего вѣдома и желанія, и безъ всякаго основанія.

**
*

Во время моего пребыванія въ Туркестанѣ, въ Штабахъ Кронштадтской и Свеаборгской Крѣпостей, штабѣ XXII-го Армейскаго Корпуса и Штабѣ Петербургскаго Военнаго Округа была большая забота о поддержаніи порядка въ раіонѣ этихъ крѣпостей, захваченныхъ революціонной агитаціей. Генералъ Артамоновъ усиленно настаивалъ о моемъ назначеніи въ Кронштадтъ, а въ Петербургскомъ округѣ его предвосхитили такъ, что не успѣлъ я объѣхать мои Одесскія Военныя Сообщенія, какъ былъ экстренно назначенъ въ Гельсингфорсъ Начальникомъ усиленнаго Штаба XXII-го Армейскаго Корпуса, исполнявшаго функціи расформированнаго Штаба Финляндскаго Военнаго Округа, въ отношеніи всѣхъ Войскъ, Крѣпостей, Управленій и Учрежденій, расположенныхъ въ Финляндіи и, сверхъ того, 50-я Пѣх. Дивизія, расположенная въ Кронштадтѣ, Свеаборгѣ и Архангельскѣ. Во главѣ всѣхъ этихъ войскъ стоялъ храбрый, блестящій и премудрый Военноначальникъ Генералъ отъ Инфантеріи Петръ Дмитріевичъ Ольховскій, начавшій службу въ Л. Гв. Павловскомъ полку прошедшій всѣ ступени службы, какъ въ строю, такъ и въ Генеральномъ Штабѣ.

Я смѣста составилъ планъ сформированія 4-й Финляндской Стрѣлковой Бригады такъ, что не требовалось разрѣшеній Думы на увеличеніе призывного контингента и новыхъ расходовъ. Каждый полкъ Округа далъ готовую роту и выдѣлилъ суммы на четыре, формируемыхъ полка. Великій Князь Николай Николаевичъ доложилъ проэктъ ГОСУДАРЮ, начертавшему на немъ "Быть по сему". Три года, прошедшіе подъ командой Петра Дмитріевича на Финскомъ фронтѣ, убѣдили меня, что въ его лицѣ, Россія имѣетъ отлично подготовленнаго Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, но онъ, по

---

*) Одинъ изъ нихъ былъ мой, заключавшій обслѣдованіе Аму-Дарьинскаго Бассейна и ревизію Аму-Дарьинской Военной Флотиліи.

скромности, не видѣлъ своихъ талантовъ, не выставлялъ ихъ никому.

Когда онъ былъ назначенъ Помощникомъ Великаго Князя Николая Николаевича, на его мѣсто явилась напыщенная личность, Генералъ-Лейтенантъ Баронъ фонъ-денъ-Бринкенъ, давно тяготившій Великаго Князя Николая Николаевича.

Упрямый, тупой и властный Баронъ привезъ съ собой списокъ своихъ "знакомцевъ" и давай устраивать ихъ въ Корпусѣ на мѣсто тѣхъ, которыхъ уже намѣтилъ къ увольненію, хотя совсѣмъ въ глаза не видѣлъ ихъ никогда. Я наотрѣзъ отказался скрѣплять такія представленія, во имя долга службы и присяги. Баронъ взбѣсился и накаталъ (къ аттестаціонному засѣданію въ Округѣ) на меня ужасную аттестацію. По разсказу Генерала Ольховскаго, Великій Князь Николай Николаевичъ, разорвавъ ее тутъ-же, приказалъ Барону написать на бланкѣ, что, "служа съ Генераломъ Ельшинымъ всего три мѣсяца, представляю аттестацію его Предмѣстника, Генерала Ольховскаго".

Я помѣнялся мѣстомъ съ Генераломъ Огородниковымъ, Начальникомъ Штаба XXV Армейскаго Корпуса въ Москвѣ, но тамъ уже пришла телеграмма: "Не желаю-ли я получить Генералъ-Лейтенантское назначеніе Комендантомъ Михайловской Крѣпости въ Батумѣ". Я очутился подъ непосредственнымъ Начальствомъ Намѣстника и Главнокомандующаго Войсками Кавказскаго Военнаго Округа Генералъ-Адъютанта Графа Воронцова-Дашкова, очаровавшаго меня своимъ вниманіемъ.

Крѣпость была безъ вооруженія, безъ снабженія и безъ плана мобилизаціи, а Война надвигалась. На Германскомъ фронтѣ было уже побѣдоносное Гумбиненское сраженіе, а Генералъ Юденичъ явился въ Михайловскую Крѣпость, чтобы утвердить только-что мною набросанный планъ приведенія Крѣпости въ боевое положеніе. Осмотрѣвъ мои работы на позиціяхъ, выслушавъ планъ моихъ дѣйствій, онъ утвердилъ все и обѣщалъ, для выполненія плана, прислать въ Крѣпость 19-й Туркестанскій Стрѣлковый полкъ; на другой же день получаю телеграмму Намѣстника, благодарившаго за блестящее возсозданіе крѣпости и усиленіе береговой обороны *). При этомъ я очень былъ обязанъ Адмиралу Эбергарду, приславшему мнѣ 2 Морскихъ Баталіона, батарею пушекъ Канэ, роту Керченской артиллеріи съ орудіями и массой недостающаго снабженія, до телескопическихъ прицѣловъ

---

*) Въ частномъ письмѣ одного высокопоставленнаго генерала я получилъ совѣтъ: «уймите Вашу энергію; здѣсь боятся, что Вы атакуете турокъ и вызовете конфликтъ съ Турціей, съ которой надо избѣжать войны». Вслѣдъ за симъ получена телеграмма — «никуда не выѣзжать изъ крѣпости», связавшая меня по рукамъ и по ногамъ, а Туркамъ предоставила маневрировать во всю.

включительно, и мастеровъ.

Удивительно было одно обстоятельство: мой планъ представлялъ тогда точную миніатюру будущей Саракамышскоой операціи Генерала Юденича, а 19 Туркестанскій Стрѣлковый полкъ игралъ у меня ту же спасительную роль, какую сыграла подъ Саракамышемъ впослѣдствіи 3-я Кавказская Стрѣлковая Бригада у Генерала Юденича. Непостижимое въ жизни совпаденіе, - разница лишь въ одномъ, что Генералъ Юденичъ мгновенно получилъ эту Бригаду, а я 19-го Туркест. Стрѣлковаго полка, за отъѣздомъ Генерала Юденича изъ Тифлиса, не получилъ. Мы были атакованы по всему скалистому фронту Аджаріи частями 1-го Константинопольскаго Корпуса, противъ котораго, на 120-ти верстахъ (по птичьему полету) оборонялись 8 ротъ пластуновъ и Пограничной стражи; къ тому-же Тифлисъ приказалъ, чтобы я не покидалъ Крѣпость никогда. Но турки сразу окружили Лиманскій пограничный отрядъ, заслонявшій береговой подходъ къ Батуму. Поднявъ свой Флагъ на "Березани" и посадивъ 2 Морскія роты на транспортъ "Бугъ", я ночью двинулся во флангъ турокъ къ Лиману и, подъ прикрытіемъ огня съ "Березани", подошедшей къ берегу на ружейный выстрѣлъ, высадилъ десантъ, встрѣченный могучимъ "Ура!" защитниковъ. Турки ринулись бѣжать на Хопу, но едва ли кто добѣжалъ изъ нихъ туда, потому что "Березань" тихимъ ходомъ преслѣдовала ихъ верстъ 25 до самой "Хопы", пока не услышали подозрительныхъ звуковъ радіо, очевидно, съ "Гебена".

Я забилъ въ барабанъ о томъ, что "дѣло съ 19-мъ полкомъ" надо разслѣдовать, но въ Тифлисѣ перехитрили и передали Батумскому слѣдователю, не командовавшему даже деньщикомъ, разборъ операціи на 120 верстномъ стратегическомъ фронтѣ; дознаніе тянулось года два, пока мой Командиръ Корпуса, Генералъ Драгомировъ (я уже командовалъ 42-й дивизіей на Германскомъ фронтѣ), не наложилъ дерзѣйшую резолюцію противъ Кавказской "Юриспруденціи"; Великій Князь Николай Николаевичъ, узнавъ про такую резолюцію изъ жалобы Суда на Генерала Драгомірова, прекратилъ это глупѣйшее дознаніе. А на меня все это такъ подѣйствовало, что я рѣшилъ во что-бы то ни стало донести мое горе до Престола. Для этого у меня не было никакого выхода, кромѣ использованія Георгіевскаго статута, дававшаго мнѣ подходящій ходъ.

По статуту, совершившій по своей волѣ атаку, увѣнчавшуюся успѣхомъ, можетъ донести о семъ своему начальнику, а если оный находится въ отсутствіи, то можно донести слѣдующему, въ порядкѣ подчиненности начальнику. Мой непосредственный Начальникъ, Графъ Воронцовъ-Дашковъ, уже скончался, а слѣдующимъ въ порядкѣ подчиненности былъ Верховный Главнокомандующій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ. Я послалъ по командѣ Всеподданнѣйшій рапортъ о спасе-

нiи, погибавшаго безъ воды и безъ патроновъ, Лиманскаго Отряда, не только по моей инициативѣ, а даже вопреки приказанiя не выѣзжать никогда изъ Крѣпости. Въ Главномъ Штабѣ подложили мой рапортъ подъ сукно, чему я очень обрадовался. Такiя уклончивыя выходки во всей моей служебной жизни были для меня вѣрнымъ предзнаменованiемъ, что все рѣшительно будетъ мнѣ воздано съ широкой надбавкой, на удивленiе всѣхъ моихъ вольныхъ и невольныхъ враговъ, нерѣдко помогающихъ мнѣ больше моихъ друзей.

Глава 9.

ВЕЛИКАЯ МIРОВАЯ ВОЙНА.

Предстоявшая мнѣ въ Петербургѣ операцiя обошлась амбулаторнымъ лѣченiемъ.

Въ разгаръ кровопролитнѣйшихъ Болимовскихъ и Борджимовскихъ боевъ, я получилъ назначенiе въ Скобелевскiй Корпусъ, въ которомъ мой Батюшка закончилъ свою боевую карьеру подъ Плевной. Естественно, какъ только я вступилъ во временное командованiе 40-й пѣх. Дивизiей, я въ тотъ-же день навѣстилъ 4-ю Батарею 30-й Артиллерiйской Бригады (рядомъ стоявшую съ 40-й дивизiей), въ которой служилъ мой отецъ, но, конечно, изъ бывшихъ "моихъ сослуживцевъ", среди "бомбардировъ-наводчиковъ" я уже никого не нашелъ.

IV-й Армейскiй Корпусъ активно оборонялъ громадный фронтъ на р.р. Равкѣ и Бзурѣ; при 40-й пѣх. Дивизiи была тогда Морская Батарея, изъ 47-ми-миллиметровыхъ пушекъ, дѣлавшая не малыя каверзы нѣмцамъ: выворачивала нѣмецкiя пулеметныя гнѣзда, сжигала камуфляжи наблюдательныхъ пунктовъ, начиняя снарядики керосиномъ, а на прощаньи (когда была откомандирована на югъ) устроила нѣмцамъ феерическiй бенефисъ.

На одной плѣшивой возвышенности, хорошо видимой съ нѣмецкой стороны, поставили открыто 2 пушки, вырыли около нихъ норы, въ которыхъ помѣщалось только по одному комендору и подносчику на орудiе. На разсвѣтѣ эти пушечки открыли огонь въ нѣмецкое пространство. Нѣмцы сначала обалдѣли, а потомъ открыли бѣшенный огонь по открытымъ пушкамъ изъ всей своей артиллерiи. Комендоры и подносчики нырнули въ норы, а пушки ихъ подпрыгивали во всѣ стороны, кувыркались, какъ ваньки-встаньки, на виду у всей пѣхоты, наблюдавшей съ большимъ интересомъ невиданное зрѣлище. Какъ

только бомбардировка начала стихать, комендоры вновь выскакивали изъ своихъ норъ и, перевернувъ пушки, снова "трахъ"... трахъ по нѣмцамъ и снова нѣмцы открываютъ свой бѣшенный огонь. Немало за весь день потеряно было нѣмецкихъ снарядовъ, но, къ удивленію, никто не былъ у насъ раненъ и всѣ пушки остались цѣлыми.

⁂

Въ эпопеѣ Великой Міровой Войны, состоя во главѣ 40-й (временно), 42-й, IX-го Арм. Корпуса (врем.) и XX-го Армейскаго Корпуса въ бояхъ и сраженіяхъ, я выбиралъ себѣ, подъ носомъ противника, самый обыкновенный пунктъ, ничѣмъ не укрѣпленный, откуда все видно и удобно управлять всѣми.

Не перечесть боевъ и сраженій, выпавшихъ на эти войска, но не было ни одной такой задачи, которая бы не была въ точности выполнена, при томъ съ большой сверхъ-надбавкой.

За недостаткомъ страницъ, ограничусь лишь нѣсколькими боевыми этюдами, въ которые вкраплены и бисерныя крупинки, удѣляемыя Флотомъ своей родной Арміи.

Лѣто 15-го года, на всемъ Австро-Германскомъ соприкосновеніи, протекало въ отходѣ нашихъ армій (съ опустѣвшими парками и подсумками) изъ Польши и Галиціи, подъ сильной угрозой колоссальной Германской фаланги Генерала Гельвица, ринувшейся изъ Восточной Пруссіи въ Пултусскомъ направленіи, съ цѣлью отрѣзать наши 2-ю и 4-ю Арміи, оборонявшія всѣ позиціи по лѣвому берегу Вислы.

Скобелевскому Корпусу пришлось упорнѣйшими боями (противъ подавляющихъ силъ нѣмцевъ) выигрывать время къ сѣверу отъ Пултусской переправы на р. Наревѣ, пока указанныя выше Арміи не вылѣзутъ изъ "Польскаго мѣшка".

Доблестно выполняя такую задачу, IV-й (Скобелевскій) Арм. Корпусъ, такъ вплотную сцѣпился съ врагомъ, что самъ очутился въ затруднительномъ положеніи; имѣя за собою длинный деревянный мостъ черезъ Наревъ, обстрѣливаемый тяжелой артиллеріей; пришлось тушить его, когда передъ мостомъ скопилась туча обозовъ, парковъ и транспортовъ, за которыми должны были непрерывно отходить колонны артиллеріи всего корпуса.

Я образовалъ Арьергардъ изъ Абхазскаго и Имеритинскаго Полковъ и одной батареи (имѣвшей снаряды только въ передкахъ) для задержки противника, чтобы дивизія могла отойдти къ Пултуску на переправы. Но въ это время, среди облаковъ пыли, черезъ мои правофланговыя цѣпи пронеслись батареи 30-й Артилелрійской Бригады съ посаженной прислугой, а за ними бѣжитъ въ паникѣ 117-й пѣх. Ярославскій полкъ (30-й пѣх. Див.)

Съ полусотней Донцовъ несусь навстрѣчу бѣгущимъ. "Стой!.. Равняйсь!... Ружейные пріемы!..." раздается моя команда.. "Г.Г. Офицеры!.... съ пѣснями и въ ногу!".... Пропустивъ мимо себя резервную колонну Ярославцевъ (подъ шрапнельнымъ огнёмъ), по направленію къ Пултуску, я представилъ себѣ картину всего того, что можетъ случиться на Пултускихъ переправахъ, если я въ теченіи всего дня 11-го Іюля не раздѣлаюсь, какъ слѣдуетъ, съ насѣдающими со всѣхъ сторонъ нѣмцами, упоенными побѣдой. Связь съ отступавшими частями Корпуса была уже прервана; очертанія моего расположенія представляли видъ бутылки, горлышкомъ обращенной къ Пултуску. Помощи ждать не отъ кого. Но бутылка моя была не пустая, и не мертвая. Въ ней и нѣмцы почувствовали, что безъ штыковъ дѣло здѣсь не обойдется, а бутылка маневрировала, микрометрически отходя (правильной волной за волной) отъ позиціи одной, пока не заговоритъ огнемъ другая, во флангъ по обходящимъ нѣмцамъ. Такъ шелъ непрерывный страшнѣйшій огневой бой на самой близкой дистанціи, вплоть до Пултускаго тэтъ-де пона, когда ночная тьма и выдохлость нѣмцевъ не прекратили это легендарное сраженіе. Бѣглецовъ не было; былъ только одинъ какой-то оголтѣлый безъ ружья, его хотѣли повѣсить на журавлѣ колодца, но я велѣлъ ему прочесть молитву "Отче нашъ" и отпустилъ съ ружьемъ въ цѣпь. Молва разнесла потомъ всѣмъ войскамъ Корпуса, что я его повѣсилъ... не лишняя для вдохновенія.

Въ Дивизіи, которой въ это время командовалъ уже генералъ Зандеръ (бывшій Начальникъ Кавалерійской Дивизіи), считали мой арьергардъ поогибшимъ. Въ ночь на 12-е Іюля я сталъ Арьергардомъ всего Корпуса, переправлявшагося на лѣвый берегъ Нарева, послѣ чего мостъ былъ взорванъ. Аріергардъ-же, долженъ былъ согласно приказа Командира Корпуса, до разсвѣта двинуться внизъ по теченію Р. Нарева, между этой рѣкой и правымъ флангомъ нѣмцевъ, почти упиравшимся въ долину рѣки. Очень помогло намъ то, что патроновъ у насъ уже не было, благодаря чему не завязалась ночная перестрѣлка; надѣясь на одни штыки, мы въ предразсвѣтной мглѣ спустились въ долину Нарева и, перейдя по мосткамъ рѣку, присоединились къ своей дивизіи.

День 11-го Іюля, по Шенграбенскимъ примѣрамъ, стоилъ Георгія, но, конечно, это тогда не входило въ голову: "за Богомъ Молитва, за Царемъ служба никогда не пропадаютъ".

***

Послѣ этого вскорѣ, я получилъ въ командованіе 42-ю пѣх. Дивизію, отходившую отъ Брестъ-Литовска на Барановичи, имѣя всего лишь 2000 штыковъ; половина ея артиллеріи шла при обозахъ 2-го разряда, не имѣя снарядовъ, а другая половина не имѣла права расхо-

довать болѣе 5 снарядовъ въ сутки. Несмотря на слабый составъ при мнѣ, эта Дивизія во всѣхъ бояхъ не только отбивалась, нанося противнику большія потери, но брала плѣнныхъ и пулеметы, которыхъ у насъ было втрое меньше, чѣмъ у нѣмцевъ.

Когда стабилизовался весь Западный Фронтъ, дивизія окопалась на Даревской позиціи, на самомъ важномъ Барановичскомъ направленіи ,не давая нѣмцамъ покоя, ни днемъ ни ночью. Захваченные плѣнные, описывая свой режимъ окопный, проболтались, что ихъ кормятъ предъ разсвѣтомъ и послѣ кофе кое-какъ можно соснуть.

Къ вечеру 6-го Октября, на наблюдательный пунктъ позиціи прибылъ Командиръ IX Армейскаго Корпуса Генералъ А. М. Драгоміровъ, въ сопровожденіи делегаціи офицеровъ Французскаго Генеральнаго Штаба, и объявилъ, что завтра на Пинскомъ направленіи начнется операція, подъ начальствомъ Генерала Эрдели; чтобы отвлечь на себя вниманіе нѣмецкаго командованія и его резервы, завтра же Корпусъ атакуетъ противника. На такія случаи у меня всегда были наготовѣ рѣшенія, которыя были тутъ-же сразу доложены и вполнѣ одобрены. Командиръ корпуса назначилъ начало штурма сильно укрѣпленной непріятельской позиціи въ 6 часовъ утра, но я доложилъ, что я предпочитаю 8 часовъ утра, когда непріятель заснетъ послѣ своего кофе.

Тутъ-же выяснилось, что французы привезли подарокъ Корпусу - 10,000 спеціальныхъ снарядовъ для пораженія окопныхъ щелей.

Ради внезапности, я отклонилъ трехчасовую подготовку штурма этими снарядами и назначилъ только 30 мин. для ураганнаго огня, послѣ котораго 2500 штыковъ. опрокинувъ грудью проволоку бросаются въ штыки, по заведенному моему методу. Всѣ были увѣрены, что какъ только будутъ заколоты первыя попавшіяся линіи врага, недоколотые подымаютъ ужаснѣйшій крикъ, а позади находящимся остается лишь одно изъ двухъ, или поднять вверхъ руки или бѣжать, подставивъ свои спины подъ безпощадный огонь нашихъ фланговыхъ пулеметовъ. Послѣ артиллерійскаго ураганнаго огня, ровно въ 8 ч. 30 м. утра 7-го Октября 1915 года, ВСѢ, КАКЪ ОДИНЪ, бросились на штурмъ сильно укрѣпленной позиціи, съ громовымъ, раскатистымъ "У..р..р..а!", постепенно затихавшимъ надъ мертвой и искалѣченной первой линіей врага. Позиція была взята, несмотря на бѣшенный огонь нѣмецкой артиллеріи, старавшіеся спасти свою пѣхоту.

Атаковавшая правѣе насъ 5-я пѣх. Дивизія, занявшаяся рѣзкой проволоки, къ большому огорченію, успѣха не имѣла.

Когда показались массы плѣнныхъ, спускавшихся съ взятой нами позиціи, восторговъ французскихъ офицеровъ не было конца, они подпрыгивали на наблюдательномъ пунктѣ, какъ дѣти, крича "вивъ ля Русси!"

Генералъ Драгомировъ нашелъ меня въ центрѣ позиціи и, присѣвъ, вырвалъ листокъ изъ своей записной книжки и начерталъ: "Суворовскимъ чудобогатырямъ доблестной 42-й Дивизіи величайшая слава и побѣдоносное Ура!"

Въ первой линіи позиціи оказалось до 2000 человѣкъ убитыхъ, заколотыхъ и раненыхъ. Взято въ плѣнъ 89 штабъ и оберъ-офицеровъ и 4042 солдатъ, *) противоштурмовая пушка, много пулеметовъ и масса винтовокъ, которыми были вооружены подходившія изъ Москвы новыя укомплектованія.

Ночная развѣдка выяснила, что къ ночи нѣмцы, передъ потерянной ими позиціей (вмѣсто совершенно уничтоженной дивизіей 7-го Октября) сосредоточили свѣжую Германскую дивизію, изъ которой наши развѣдчики ночью отъ каждаго полка этой дивизіи, захватили нѣмецкихъ развѣдчиковъ.

Мы въ бою 7-го Октября потеряли убитыми и ранеными около 600 человѣкъ; оставшіеся въ строю 1900 штыковъ цѣлый день 8-го Октября вели далеко неравный бой съ укомпелктованной и отдохнувшей нѣмецкой Дивизіей, когда наша полевая артиллерія вела борьбу съ подавляющей насъ тяжелой артиллеріей, отвѣчая однимъ выстрѣломъ на 20 нѣмецкихъ выстрѣловъ. Чтобы возстановить прежнее положеніе на фронтѣ, нѣмцы шли густыми волнами и понесли такія огромнѣйшія потери, что въ слѣдующую-же ночь ихъ новая, разбившаяся о насъ дивизія, была замѣнена третьей дивизіей, спѣшно подвезенной къ Барановичамъ изъ Картузъ-Березы; это показали плѣнные, захваченные нашей развѣдкой въ третью ночь; три ночи не спала наша дивизія.

Само собою разумѣется, Георгіевская Дума присудила заслуженныя награды выдающимся участникамъ боя, потому что возложенная на нее задача съ избыткомъ была выполнена, отвлекши на себя изъ нѣмецкаго резерва три дивизіи полнаго состава, тогда какъ на Пинскомъ направленіи, затѣянная Генераломъ Эрдели, главная атака не только не удалась, но его пѣхота была отброшена на 20 верстъ назадъ, послѣ чего понадобилось много времени, чтобы ликвидировать этотъ прорывъ.

Во время этого безпримѣрнаго боя, Генералъ Куропаткинъ командовалъ Гренадерскимъ Корпусомъ, занимавшимъ позицію правѣе нашего Корпуса; онъ двое сутокъ провелъ въ окопахъ первой линіи, наблюдая бой.

Вскорѣ послѣ боя, прибылъ Офицеръ Генеральнаго Штаба,

---

*) Государыня Императрица, въ своемъ дневникѣ, выразила радость, что послѣ отхода нашего фронта, наконецъ-то мы опять взяли много плѣнныхъ!

командированный ко мнѣ Генераломъ Куропаткинымъ, съ просьбой разрѣшить снять копіи съ диспозицій, распоряженій и кроки, внесенныхъ въ журналъ военныхъ дѣйствій объ этомъ боѣ.

Конечно, Генералъ А. М. Драгоміровъ представилъ и меня къ награжденію чиномъ Генералъ-Лейтенанта за блестящій штурмъ сильно укрѣпленной позиціи, но его наградное представленіе было пріостановлено: Кавказскій слѣдователь второй годъ все допрашивалъ по всей Имперіи свидѣтелей по дѣлу о потерѣ двухъ пушекъ и двухъ ротъ, которыя давно уже сражались доблестно на Кавказскомъ фронтѣ, потому что не были потеряны.

Во всю Великую Войну, даже изъ за дѣйствительныхъ потерь цѣлыхъ батарей и бригадъ, ни одинъ слѣдователь никогда не велъ никакого дознанія или слѣдствія, а вотъ на Кавказѣ случился такой непостижимый случай, которымъ я горжусь болѣе, чѣмъ всѣми моими успѣхами, потому что никогда не сомнѣваюсь, что за Богомъ Молитва, а за ЦАРЕМЪ служба никогда пропасть не можетъ.

**
*

Барановическое направленіе сильно занимало нѣмецкое командованіе, но потеря Барановичскаго желѣзнодорожнаго узла затруднила бы переброску резервовъ. Нѣмцы рѣшили выбить насъ съ позиціи, которую мы сильно укрѣпили и возвели на ней такія солидныя убѣжища, которыя не могла пробивать самая тяжелая нѣмецкая артиллерія. Пришлось нѣмцамъ начать противъ насъ подземную войну, но наши слухачи обнаружили ихъ тайную задачу. Какъ разъ въ это время намъ подвезло: къ намъ, точно съ неба, свалилась Морская Минная рота, которая была присоединена къ Дивизіонной Саперной ротѣ, уже начавшей подземную атаку огромной сѣти рукавовъ, тянувшихся съ нѣмецкой стороны подъ первую линію нашей укрѣпленной позиціи.

Отъ головы нашего подземнаго рукава шелъ проводъ прямо подъ мою подушку, на всякій пожарный случай. Послѣ долгихъ подземныхъ маневрированій, Командиръ Саперной роты, Капитанъ Ранвидъ, натолкнулся прямо на главный рукавъ противника со свѣчкой, пламя которой тянуло къ противнику; саперъ полѣзъ по нѣмецкому рукаву и, замѣтивъ часового, ходившаго взадъ и впередъ по дну окопа, куда выходилъ подземный нѣмецкій рукавъ, схватилъ его за ноги и потащилъ въ рукавъ; нѣмецъ заоралъ и поднялась тревога. Взвѣсивъ обстановку, Капитанъ Ранвидъ даетъ мнѣ знать; подъ подушкой

у меня затрещалъ телефонъ... было ясно, что тотъ, кто раньше взорветъ мины, заложенныя вдоль позиціи, тотъ останется жить, а потому надо скорѣе забить нѣмецкій рукавъ достаточнымъ количествомъ пироксилина и произвести взрывъ. Раздался страшный взрывъ подъ нѣмецкой первой линіей, все полетѣло вверхъ тормашками живое и мертвое, подъ клики "У..р..р..а!" со всей нашей позиціи. Георгіевская Дума присудила безстрашному минеру, Капитану Ранвиду, по статуту, Орденъ Св. Георгія, а саперы и минеры, подвергавшіеся сами взрыву, были тоже награждены Георгіевскими Крестами и Медалями. Попавшіеся въ плѣнъ, нѣмцы утверждали, что опоздай мы на нѣсколько времени, необходимаго для исправленія перерѣзанныхъ нами нѣмецкихъ проводовъ, то такая участь обрушилась бы полностью на насъ. Пожалуй, наша подземная война была единственной за всю эту войну.

**
*

Въ Іюнѣ 16-го года, на Западномъ фронтѣ было рѣшено прорвать Германскую позицію четвертой Арміей на Виленскомъ направленіи; эта Армія была усилена другими корпусами, въ томъ числѣ и IX-мъ Арм. Корпусомъ. Самый трудный участокъ, опоясанный наэлектризованной проволокой, мѣстами доходившей до 50-ти рядовъ, выпалъ на долю 42-й пѣх. Дивизіи; правѣе ея должны были штурмовать 5-я пѣх. Дивизія и XXV-й Корпусъ, а лѣвѣе Гренадерскій и X-й Корпуса. Еще три Корпуса стали въ общемъ резервѣ Арміи.

Затѣянная трехдневная долбежка позицій нашей артиллеріей была совсѣмъ не по душѣ, но съ начальникомъ дивизіи на этотъ разъ не считались.

Ровно въ три часа ночи 20-го іюня, 42-я дивизія бросилась на штурмъ Скробовской позиціи, во главѣ своихъ Командировъ полковъ, баталіоновъ и ротъ, съ русскимъ могучимъ У..р..р..а! и съ развернутыми боевыми знаменами. Первымъ вскочилъ на брустверъ окопа Командиръ 166-го Ровненскаго полка Полковникъ Сыртлановъ и палъ смертью героя со знаменемъ въ рукѣ и перебитымъ древкомъ; правѣе понесли тѣло сраженнаго Командира 165 Луцкаго полка Полковника Михайлова, лѣвѣе несли полумертваго, раненаго въ животъ Командира 167 пѣх. Острожскаго полка Полковника Церцева, у полевого телефона лежитъ Командиръ 168 Миргородскаго полка Полковникъ Марченко, оглушенный тяжелымъ снарядомъ. Переранены баталіонные и ротные Командиры, вмѣсто ихъ заступаютъ замѣстители, но

въ штыковой свалкѣ никому нѣтъ пощады... Позиція взята, въ подкрѣпленіе двигаются части 55-й дивизіи... и никакія контръ-атаки не могутъ измѣнить положенія; позиція взята и окончательно закрѣплена навсегда, въ безпрерывномъ трехъдневномъ бою за "рощу съ ручкой" (такъ она изображена на картѣ)!

5-й Дивизіи (правѣе) атака не удалась, но послѣ вторичной подготовки и она вечеромъ овладѣла большей частью своего участка.

XV-й Корпусъ лихо и глубоко врѣзался въ непріятельскую позицію, но быстро вынужденъ былъ вернуться въ свое прежнее положеніе. Атаки Гренадерскаго и X-го Корпусовъ совершенно не удались.

Въ происшедшихъ неудачахъ никакъ нельзя упрекать указанные Корпуса, одинаково мужественно и увѣренно шедшіе на штурмъ. Причина неуспѣха кроется въ навязанномъ французскомъ методѣ атаки, совершенно не подходившемъ къ нашему количеству снарядовъ и силѣ огня, во 100 разъ меньшей. Французская пѣхота атаковывала мѣста, сравненныя съ землей, а наша артиллерія могла лишь въ три дня пробить проходы въ проволокѣ, точнѣе сказать, "ворота смерти" для атакующей пѣхоты.

Главный элементъ русской атаки - внезапность, отчасти примѣнила 42-я Дивизія 20 Іюня, обойдя кой-гдѣ приготовленныя ей "ворота смерти".

Атакуй Четвертая Армія внезапно, послѣ короткаго ураганнаго огня, всѣ Корпуса взяли-бы позицію смаху и гнали-бы нѣмцевъ на Вильну.

Наиболѣе отличившемуся Корпусу оказано вниманіе тѣмъ, что Командиръ Корпуса былъ назначенъ Предсѣдателемъ Георгіевской Думы, разсматривавшей всѣ Георгіевскія представленія къ наградамъ отличившихся въ Скробовскомъ кровопролитнѣйшемъ бою, а наиболѣе отличившейся Дивизіи Начальнику предоставлено право избрать всѣхъ замѣстителей Командировъ полковъ, убитыхъ и раненыхъ въ этомъ бою; я избралъ всѣхъ изъ ввѣренной мнѣ Дивизіи.

Всѣ мои представленія къ Ордену Св. Георгія были удостоены, а Корпусный Командиръ Генералъ А. Драгоміровъ не зналъ куда послать наградной листъ на меня. Я хотѣлъ ему подсказать, что самое лучшее отправить его Судебному Дѣятелю въ Тифлисъ, но хорошо, что не сказалъ; его куда-то заслали "доброжелатели", — я не прослѣдилъ и очень хорошо сдѣлалъ.

Вскорѣ Драгоміровъ получилъ Армію, съ производствомъ въ Генералы-отъ-кавалеріи. Эрдели въ этомъ отношеніи тоже не отставалъ отъ него.

Въ концѣ 1916 г. на Кавказѣ нашли двѣ загадочныя пушки и двѣ пропавшія роты (хотя извѣстный Кавказскій историкъ не нашелъ ихъ, даже по изгнаніи изъ Россіи до сихъ поръ).

По наградному руслу медленно потекли разновременно стекавшіяся на меня представленія, залежавшіяся по разнымъ штабамъ, въ пыльныхъ папкахъ, за два года войны. По телеграммѣ, я былъ произведенъ въ Генералъ-Лейтенанты съ огромнымъ старшинствомъ съ 7 Октября 1915 года, дня разгрома непріятельской дивизіи на Даревской позиціи, а затѣмъ я былъ внесенъ, внѣ всякой очереди, въ кандидатскій списокъ на Командира Корпуса и даже мнѣ интимно передано, что я получаю XX-й Армейскій Корпусъ состоявшій изъ 4-хъ Дивизій.

***

Само собою разумѣется, что полученіе завѣтнаго Ордена Св. Георгія величайшее счастье каждаго воина, но достиженіе наивысшей, наиважнѣйшей и побѣдной задачи въ Великой войнѣ есть нѣчто болѣе высшее, чѣмъ свое высшее счастье.

Въ ожиданіи Корпуса, у меня уже началась тщательная разработка краткой, убѣдительной Всеподданѣйшей Записки, касавшейся преступной вампуки Ставки, въ дѣлѣ Десантной Операціи въ Босфорѣ, а при особой удачѣ и занятіи Галиполи.

Я былъ убѣжденъ, что такимъ двумъ потентамъ, какъ Генералъ отъ Инфантеріи Юденичъ (которому уже не такъ остро было нужно быть въ горахъ Малой Азіи) и какъ Адмиралъ Колчакъ, вполнѣ можно было довѣрить овладѣніе Константинополемъ.

Я рѣшилъ, какъ только я получу Корпусъ, махну въ Ставку и лично подамъ ГОСУДАРЮ свою Записку, а тамъ суди меня опять Судебная Коллегія, какъ кому угодно, — мнѣ все равно!

Овладѣніе Босфоромъ явилось-бы рѣшающимъ факторомъ всей Великой войны въ Европѣ и Азіи. Эта война закончилась бы быстро, а главное этой побѣдой мы вырвали бы у революціоннаго интернаціонала оружіе для взрыва Россіи, посредствомъ революціи, о которой въ Англіи, **съ самаго начала** этой Великой Войны, очень позаботились.

Къ величайшему несчастью, въ эти роковые дни, началась революція. Полетѣли всѣ списки кандидатскіе на всѣ назначенія и повышенія (уже утвержденные Государемъ Императоромъ) въ революціонныя контрольныя лапы. Многіе первые стали послѣдними и послѣдніе первыми, что упокоило всѣхъ кандидатовъ, въ свое время.

На разсвѣтѣ 13 и 14 Марта 1917 г., наша Даревская позиція подверглась жесточайшей газовой атакѣ; болѣе 1000 отравленныхъ были отправлены въ Дивизіонный лазаретъ; что были какіе-то новые газы, потому что вся окружающая растительность порыжѣла, какъ послѣ лѣсного пожара. Я не могъ дышать въ маскѣ, сильно ослабѣло зрѣніе и затруднено дыханіе; комиссія врачей эвакуировала меня въ Петергофскій Госпиталь, гдѣ я началъ поправляться. Главнокомандующій Западнымъ фонтромъ, Генералъ Гурко телеграфировалъ, что если

я не въ силахъ командовать XX-мъ Арм. Корпусомъ, то буду отчисленъ по болѣзни. Бросивъ лѣченіе, я отправился въ раіонъ Сморгони командовать моимъ Корпусомъ (въ составѣ 28-й, 29-й 133-й и 174-й пѣх. Дивизій).

10-го Іюля, сосѣдній 11-й Кавказскій Корпусъ долженъ былъ участвовать въ общей атакѣ Х-й ударной Арміи въ направленіи на Кржево, но кавказцы атаковать отказались и ушли въ тылъ.

Тогда внезапно XX-му Корпусу было приказано занять мѣсто Кавказскаго Корпуса, чтобы на разсвѣтѣ 9-го іюля (съ незнакомой мѣстности) атаковать противника.

Легко сказать, но каково это выполнить сразу, послѣ ночного марша... думаю про себя. Но мимолетное счастье успокоило меня: Главнокомандующій Западнымъ Фронтомъ телеграфировалъ, что Военный Министръ Керенскій отчислилъ меня отъ командованія Корпусомъ. Я тотчасъ-же отправился на поѣздъ, чтобы ѣхать въ Петергофъ; по пути на станцію, встрѣчаю Генерала Ярона, назначеннаго вмѣсто меня Командиромъ XX-го Корпуса. Не успѣли съ нимъ разговориться, какъ мнѣ вручили новую телеграмму, въ которой было сказано, что въ первой телеграммѣ была ошибка, что я долженъ командовать Корпусомъ. Оказалось, что всѣ Офицеры Генеральнаго Штаба XX-го Корпуса послали Керенскому угрожающую телеграмму объ увольненіи ихъ отъ службы, если не будетъ отмѣнена 1-я телеграмма.

Въ это время Керенскій объѣзжалъ войска Х-й и 3-й Армій, но всѣ Командиры-Корпусовъ не присутствовали на этихъ смотрахъ Керенскаго и, тѣмъ не менѣе, нашелся одинъ изъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, который впослѣдствіи, въ своей книгѣ, заклеймилъ какого-то Корпуснаго Командира, что яко-бы онъ встрѣчалъ Керенскаго, хотя онъ отлично зналъ, что никто изъ этихъ командировъ корпусовъ никогда не видѣлъ Керенскаго во всю жизнь.

Въ ночь на 8-е Іюля, Дивизіи Корпуса перешли на мѣсто Кавказскаго Корпуса; на маршѣ взбунтовался 115-й пѣх. Вяземскій полкъ, едва спаслись эсэры, присланные уговаривать войска идти въ атаку; пришлось окружить бунтовщиковъ и открыть по нимъ огонь шрапнелью, пока не выкинули бѣлый флагъ; тогда арестовали 200 зачинщиковъ и заставили полкъ принять участіе въ атакѣ. Послѣ такого оборота, ночью явились ко мнѣ делегаты Кавказскихъ Гренадеръ и 51-й Дивизіи, заявившіе, что они подъ моей командой, готовы тоже идти въ атаку. Такимъ образомъ, постепенно подчинились мнѣ еще нѣкоторыя части и, въ общемъ, собралось у меня почти 7 Дивизій, но успѣли принять участіе только 28-я, 29-я и 51-я Дивизіи.

Утромъ 9-го іюля лихо бросились на штурмъ 29-я и 51-я, а въ 28-й пошли въ атаку только офицеры и Штурмовой баталіонъ. Я управлялъ боемъ съ холма, за которымъ лежали мои телефонисты, подъ

наблюденіемъ моихъ сподвижниковъ Генеральнаго Штаба; тутъ всѣхъ очень разсмѣшилъ приблудившійся Полковникъ итальянскій, который, какъ только начался обстрѣлъ холма ядовитыми снарядами, пустился въ такое "фортиссимо-аллегро-удирато", что однѣ пятки его засверкали", - подшучивали ему вдогонку телефонисты.

Густыя цѣпи атакующихъ войскъ, перейдя подъ сильнымъ огнемъ въ бродъ бушующій потокъ, высоко поднявшійся отъ продолжительнаго дождя, преодолѣли всѣ преграды и овладѣли своими участками, намѣченными заранѣе для штурма; лѣвѣе Бочкаревскій Женскій Баталіонъ Адмирала Скрыдлова *) стремительно выбилъ нѣмцевъ овладѣвшихъ было Новоспасскимъ лѣсомъ, причемъ понесъ большія потери.

Къ большому удивленію, утромъ обнаружилось, что всѣ наши части, овладѣвшія нѣмецкой позиціей, по одиночкѣ ночью оставили ее, безъ всякаго давленія противника, имъ захотѣлось попить чайку въ своихъ окопахъ.

Въ исходѣ боя, я былъ отравленъ разрывомъ газоваго снаряда; меня перенесли въ ближайшую избу, куда прибылъ Командовавшій 3-й Арміей Генералъ Квицинскій (наблюдавшій неподалеку бой) и озаботился перевезти меня въ Штабъ Корпуса, на попеченіе Корпуснаго врача.

Такъ закончился мой послѣдній бой въ Великой Міровой Войнѣ.

Жестокое отравленіе газами окончилось пораженіемъ нервныхъ стволовъ; ноги висѣли какъ плети, — 1½ года я двигался на костыляхъ.

**
*

Многіе задаютъ и понынѣ вопросъ: почему Армія Великаго Петра не выиграла эту Отечественную Войну?

Болѣе соотвѣтствовалъ-бы вопросъ: почему эта Война, созрѣвшая уже вполнѣ для конечной побѣды, внезапно была **недоиграна?**

Динамическая и демоническая игра мірового интернаціонала давно имѣла ловкихъ партнеровъ въ Британской правящей партіи и овладѣла душой и сердцемъ русской дряблой интеллигенціи, свившей свое гнѣздо въ Государственной Думѣ.

Думскіе переворотчики, своими лжепатріотическими обѣщаніями, сманили на свою сторону главнаго рулевого въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго, клюнувшаго на заманчивыя приманки побѣды подъ предводительствомъ Главнаго Рулевого.

---

*) Адмиралъ Скрыдловъ принималъ живое участіе въ его формированіи въ С. Петербургѣ, какъ утверждали многіе.

Переворотчики отлично понимали, что, безъ этого Рулевого, ихъ "Каиново Дѣло" лопнетъ, какъ мыльный пузырь.

Своевременное сосредоточеніе одной фронтовой Дивизіи вблизи столицы (съ запечатанной въ конвертѣ запиской: "занять Петроградъ и эвакуировать запасныя части на фронтъ") было вполнѣ достаточно для окончанія заговора.

Но Рулевой предпочелъ... "лѣво руля!"

Чтобы переворотъ не произвелъ мгновеннаго взрыва въ Арміи, вѣрной законному строю, переворотчики начали разряжать армейскую бомбу плавной постепенностью разборки вѣковой власти, чтобы вся сила ея растекалась подобно газу изъ газированной бутыли, когда пробка ея постепенно и осторожно вытягивается изъ горлышка бутыли.

Сначала верховная сила переходить къ юному Наслѣднику, потомъ къ Брату, отъ него откладывается до учредительнаго собранія, ЦАРИЦА МАТУШКА поминается въ Церквахъ, какъ Государыня, Дядя назначается Главнокомандующимъ и все это прикрывается добровольнымъ волеизліяніемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, чтобы Армія не взволновалась и все разгадывала, какъ необходимость поскорѣе закончить войну побѣдою.

Когда мавръ исполнилъ свое дѣло, пришлось скоро ему раскаяться, затушевывая свою измѣну импровизированіемъ добровольческой арміи, которая, несмотря на легендарные боевые подвиги и потоки крови, конечно, не могла замѣнить **Императорскую Армію.**

Глава 10.

Послѣсловіе.

Мои костыли, со мною вмѣстѣ, отбыли 19 Октября 1918 года въ Красно-Крестномъ поѣздѣ съ Финляндскаго вокзала, держа путь черезъ Кіевъ, на Одесскіе лиманы, гдѣ добрые русскіе врачи обѣщали спасти мои ноги, подававшія лишь слабыя на это надежды.

Въ Кіевѣ, давнишній мой пріятель, Генералъ Графъ Ѳедоръ Артуровичъ Келлеръ, уцѣпился за мои костыли съ тѣмъ, чтобы я, въ роли Начальника его Штаба (какъ Главнокомандующаго всѣми вооруженными силами Украины и Отдѣльной Сѣверной Арміи) помогъ ему отстоять Мать Городовъ Русскихъ.

Этотъ Рыцарь, безъ страха и упрека, чистосердечно сознался, что онъ совсѣмъ не разсчитываетъ ни на какой успѣхъ въ этомъ рѣшительномъ шагѣ, но долженъ принять, по долгу воинской совѣсти, предложеніе Гетмана Скоропадскаго возглавить всѣ силы Кіева на тотъ крайне загадочный случай, если союзныя силы, накопившіяся въ

Румыніи, выступять на поддержку, для чего туда былъ командированъ родственникъ графа, Генералъ Розеншильдъ-Паулинъ.

При столь ясной безнадежности, я никакъ не могъ отказать такой Рыцарской просьбѣ, быть можетъ, послѣдней въ моей и его жизни.

18-го Ноября формируется въ Кіевѣ штабъ всѣхъ разрозненныхъ силъ, находящихся въ городѣ и его окрестностяхъ, а дальше пошло все, какъ и предчувствовалъ Графъ Келлеръ; въ грозную минуту онъ былъ замѣщенъ генераломъ Княземъ Долгоруксвымъ(- Гр. Келлеръ былъ убитъ), меня подобралъ Санитарный поѣздъ, отходившій съ ранеными въ Одессу, и заразилъ меня въ долгомъ пути самымъ ужаснымъ сыпнымъ тифомъ, съ которымъ пришлось 2½ мѣсяца лежать пластомъ, въ полусознательномъ состояніи, въ Одесскомъ Военномъ Госпиталѣ. Въ день паденія Одессы, 23 Марта, мой сынъ (впослѣдствіи убитый на Байкалѣ) вытащилъ меня изъ госпиталя и спасъ меня на пароходѣ "Кавказъ", на которомъ вся моя семья прибыла на Островъ Халки близъ Константинополя.

Чудесный воздухъ на Принцевыхъ островахъ, заботливое лѣченіе извѣстнаго Одесскаго доктора Бурды, спасли мнѣ не только жизнь, но къ большому удивленію и ноги начали постепенно претендовать къ заморскому походу, черезъ Владивостокъ, на Омскъ, по зову Верховнаго Правителя Адмирала Александра Васильевича Колчака. Онъ, будучи еще кадетомъ, познакомился со мною въ домѣ своего отца, Генералъ-Маіора Морской Артиллеріи Василія Ивановича Колчака, работавшаго на Обуховскомъ Орудійномъ Заводѣ.

9-го Іюля, на пароходѣ "Іерусалимъ" начался морской походъ и кончился сухопутнымъ въ Омскѣ 23 Октября, когда Сибирская Армія Адмирала Колчака уже начала свой ледяной походъ въ Забайкалье.

Верховный Правитель поручилъ мнѣ двинуться на Иркутскъ и расчистить тамъ желѣзнодорожную пробку, закупорившую все движеніе драгоцѣннаго военнаго снабженія, растянутаго въ поѣздахъ на всей Сибирской магистрали.

Въ Иркутскѣ, въ это время, какой-то "незнакомецъ", въ видѣ "Сибирскаго Центра" учинилъ тыловой бунтъ, въ которомъ приняли участіе части Иркутскаго гарнизона, кончившійся убійствомъ Адмирала Колчака.

Я былъ арестованъ и, если бы рабочіе, облагодѣтельствованные мною выдачей задержаннаго имъ жалованья, не спасли меня, то меня ожидалъ-бы такой-же конецъ.

Въ концѣ концовъ, послѣ неимовѣрныхъ мытарствъ, послѣдовалъ и мой маршрутъ, — Чита, Харбинъ, Чань-Чунь, Дайренъ, Шанхай и, наконецъ, 1 Сентября 1923 года попалъ въ Богоспасаемую

Америку, въ градъ Сеаттль.

Старался я въ Новомъ Свѣтѣ, обладавшимъ невѣроятными возможностями, выхлопотать, для Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ, заслуженную имъ пенсію въ Вашингтонѣ, располагающемъ великой казной, не въ примѣръ прочимъ нашимъ союзникамъ по Великой Войнѣ.

Высокими лицами намъ обѣщано было искреннее содѣйствіе въ этихъ надеждахъ: "надежды юношей питаютъ", но не всегда "отраду старцамъ подаютъ". Настали большія перемѣны, новые взгляды на наше обезпеченіе и наше дѣло не выгорѣло. Намъ удалось только приспособить одинъ биль, по которому всѣ союзные участники Великой Войны получили нѣкоторый преимущественный шансъ на полученіе правительственной службы по кандидатскому списку. Старики-же наши обрѣли здѣсь общее право на стариковскія пенсіи, — великое благодѣяніе американскаго народа.

Возглавляемому мною Обществу Русскихъ Ветерановъ Великой Войны (въ Сеаттлѣ) и усердію русскихъ военныхъ инвалидовъ удалось основать въ Сеаттлѣ Православное Братское Кладбище Свят. Николая и воздвигнуть въ Сеаттлѣ дивный ХРАМЪ-ПАМЯТНИКЪ ЦАРЮ-МУЧЕНИКУ и воинамъ ЕГО, павшимъ въ Великую Войну на сушѣ и на морѣ, защищая Россію до послѣдней капли крови, подъ Державнымъ ЕГО командованіемъ.

***

Моя дѣятельность, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ до восьмидесяти, представляетъ обычную службу въ Россіи, исполнявшуюся всѣми, по долгу службы и присяги.

Очень упрекаю себя въ томъ, что я не могъ себѣ представить, что среди генераловъ могутъ быть отступники отъ своего Государя.

Впрочемъ, и среди Апостоловъ оказались ученики Христовы, не до конца вѣрные своему Спасителю.

Предъ походомъ въ Вѣчность, я позволю себѣ напомнить будущему преемству премудрое Библейское указаніе: "что нѣтъ ничего лучше, какъ наслаждаться человѣку дѣлами своими: потому что это — доля его; ибо кто приведетъ его посмотрѣть на то, что будетъ послѣ него?" (Книга Екклесіаста, гл. III-я, ст. 22-й).

***

Завершая свои наброски о шестидесятилѣтнихъ военныхъ трудахъ на сушѣ и на морѣ, ясно вижу, что защита нашего Государства, распростершагося на равнинахъ Европы и Азіи, всегда начиналась затягиваніемъ въ глубь Россіи вражьихъ полчищъ, бросавшихся на нашу армію, пока она еще не успѣвала собрать всѣ свои силы, со всѣхъ концовъ Россіи.

Такая вынужденная манера обороны сулила намъ не однѣ побѣды, но и страшныя раззоренія, несоразмѣрныя кровавыя жертвы и постоянный рискъ: "висѣть на волоскѣ отъ бездны крушенія".

Наступательная-же оборона требуетъ накопленія постояннаго богатства (скрытая энергія) не только въ казнѣ и промышленности, но и въ толщѣ народной. Накопить такіе квадриліонные рессурсы, безъ океано-воздушной силы, никто на свѣтѣ не въ состояніи.

Кромѣ того, въ настоящее время, на войнѣ уже не два потентата... въ будущемъ число ихъ увеличится, а задача ихъ будетъ одна... общая.

Для ихъ взаимной подготовки и спайки, потребуется единая сверхъ-академія, готовящая верховное единомышленіе и дѣйствія, изъ сего вытекающія.

Генералъ-отъ-Инфантеріи ЕЛЬШИНЪ.

Сіаттль, 1945 г.

Владиміръ фонъ Рихтеръ.

ОДНА ИЗЪ МЕДАЛЬНЫХЪ "ROSSICA" ВЕЛИКОБРИТАНІИ.

По примѣру библіографовъ, именую "Rossica" всѣ медали не русскія, а иностранныя, тѣсно связанныя съ русской исторіей.

Боевыя, нагрудныя для ношенія, медали, въ современномъ толкованіи, введены въ Великобританіи лишь съ 18 іюня 1815 г., т.е.- побѣды при Ватерлоо, и тогда же англійская боевая медаль пріобрѣла, не перенятую, къ сожалѣнію, другими націями, привиллегію абсолютной **индивидуальности** (т. е. **каждая** медаль подобной себѣ, въ деталяхъ, не имѣетъ). Изобрѣтенной тогда машиной на гуртѣ каждой медали набивались (и набиваются до сихъ поръ): инициалы и фамилія награжденнаго, его чинъ (или званіе), и названіе корабля (или полка и проч.) До Ватерлоо весь младшій командный составъ и всѣ нижніе чины военныхъ силъ Англіи отличіями не награждались: это нововведеніе было добыто общественнымъ мнѣніемъ.

Слѣдующія, общія для всѣхъ чиновъ флота и арміи, нагрудныя медали, были установлены лишь въ 1848 г., послѣ упорной борьбы между юной Королевой Викторіей и упрямымъ вождемъ "тори" — герцогомъ Веллингтономъ, который, въ противоположность Нельсону не жаловалъ "сѣрую скотинку". Эти двѣ медали появились на свѣтъ съ другой отличительной чертой, присущей и до нынѣ, многимъ англійскимъ награднымъ медалямъ: такъ какъ и "Navy General Service

Medal 1848" и "Army General Service Medal 1848" были наградами ретроспективными; на ихъ лентахъ были установлены пряжки ("bars" "barrettes"), для чиновъ флота 230 штукъ; каждая изъ нихъ имѣла на себѣ названіе (иногда и дату) одного изъ эпизодовъ имѣвшихъ мѣсто во время морскихъ боевъ съ 1794 г. до 1840 г.; для арміи — 29 штукъ, обнимавшихъ періодъ отъ 1801 до 1814 г. (хотя на медали значится: "1793-1814").

Благодаря вышеуказаннымъ двумъ особенностямъ англійскихъ боевыхъ медалей, ихъ коллекціонированіе не только, такъ сказать, безгранично, но требуетъ и прекраснаго знакомства съ военной исторіей, несмотря на то, что основныхъ типовъ медалей не болѣе 150; за рѣдкіе экземпляры платятъ сотни фунтовъ; такъ за Victoria Cross" Крымской войны, если онъ попадаетъ въ продажу- надо уплатить около 200 фунтовъ, а за рѣдкія пряжки "N.G.S.M. 1848" " отъ 50 до 100 фунтовъ! Вѣдь эту медаль, съ пряжкой "March 15, 1793", получилъ только одинъ, оставшійся въ живыхъ къ 1848 г. ветеранъ - матросъ!... И несмотря на такія трудныя условія коллекціонированія, въ этой богатой странѣ нерѣдко встрѣчаются собранія въ нѣсколько тысячъ экземпляровъ. Историческая обработка этой серіи медалей, и качественно и количественно, несравнима съ аналогичными трудами другихъ странъ, уже не говоря о Россіи..., гдѣ исторія боевой медали началась и раньше, но сама медаль не обладала интересными англійскими заковыками, и вниманія къ ней, къ нашему стыду, удѣлено было черезчуръ мало.

Въ данной статьѣ описываются пряжки "Rossica" миніатюрной англійской "War Medal 1914-1920", изображеніе коей прилагается. По окончаніи прошлой войны, въ 1919 г., въ Лондонѣ были учреждены спеціальные, и флотскій и армейскій, комитеты для выработки проэкта о пряжкахъ къ этой медали, но вслѣдствіе дороговизны фабрикаціи, предложенные комитетами проэкты осуществлены не были. Проэктъ армейскаго комитета даже не былъ опубликованъ, но проэктъ Адмиралтейства не только былъ утвержденъ Королемъ Георгіемъ V-мъ въ 1920 г., но и напечатанъ въ еженедѣльномъ Адмиралтейскомъ Приказѣ за № 2051, въ Августѣ 1920 г. Вслѣдствіе этого — чины флота, не оффиціально, но носятъ на лентахъ этой медали (но миніатюрной, т. е. не будучи въ военной формѣ), между прочимъ, нижеописанныя пряжки "Rossica". Эти семь пряжекъ, слѣдующимъ образомъ описаны въ утвержденномъ Королемъ приказѣ (C. W. 6154 — 7. 7. 1920-. во главѣ "G":

(G) За службу... въ Россіи, и въ операціяхъ по заключеніи перемирія:

1) **"North Russia, 1918/19"** награждаются всѣ чины флота. служившіе на морѣ и на сушѣ въ Сѣверной Россіи въ предѣлахъ..., между полуночью 11-12 Ноября 1918 г. и 12 Октября 1919 г. Южная

граница: вдоль параллели 60° N. между меридіанами 30° E. и 50° E. Восточная граница: меридіанъ 50° E. Западная граница: меридіанъ 30° E.

2) **"Eastern Baltic, 1918/19"...** всѣмъ служившимъ въ Финляндскомъ морѣ восточнѣе 20° E., между полуночью 11-12 Ноября 1918 г. и полуночью 31 Декабря 1919 г. — 1 Января 1920 г.

3) **"Mine Clearence, 1918-19" ...** всѣмъ подписавшимъ контракты... (с) на Балтійскомъ морѣ между 11 Ноября 1918 г. и полуночью 30 Ноября - 1 Декабря 1919 г.

4) **"Siberia, 1918-19"...** (а) флотскому составу Британской Морской Миссіи въ Сибири подъ командой коммандора Y. Wolfe Murray до 13 Сентября 1919 г... (в) составу флотскаго отряда, дѣйствовавшаго на рѣкѣ Камѣ (Сибирь) (Sic!В.Р.) до 28 іюня 1919 г.

5) **"Russia"** (а) ... нижнимъ чинамъ флота броневыхъ машинъ обслуживавшихъ русскую армію во время войны... (в) чинамъ Морской Миссіи, работавшей въ Южной Россіи въ 1919-1920 г.г... даты для этой пряжки будутъ указаны впослѣдствіи.

6) **"Black Sea, 1918-20" ...** чинамъ флота, служившимъ на корабляхъ Его Королевскаго Величества и прочихъ судахъ, оперировавшихъ въ Черномъ морѣ и Босфорѣ до линіи, соединяющей Stefano Point - Farnar Burnu, до 11 Ноября 1918 г..., окончательныя даты будутъ объявлены впослѣдствіи.

7) **"Caspian" ...** чинамъ флота, служившимъ на Каспійскомъ мроѣ или его берегахъ, между Іюлемъ 1918 г. и 27 Августа 1919 г.

Владиміръ фонъ Рихтеръ.

VI.

БИБЛІОГРАФІЯ.

А. НОВЫЯ КНИГИ И СТАТЬИ.

"UNITED STATES NAVAL INSTITUTE PROCEEDINGS"
September 1945, № 511, Page 1091.

Приводимъ отзывъ о журналѣ "Морскія Записки", напечатанный въ указанномъ выше выпускѣ "Американскаго Морского Сборника".

THE RUSSIAN NAVAL RECORDS. Published by the Association of Former Russian Naval Officers in America, Inc. 3604 Broadway, New York.

The Association of Former Russian Naval Officers, founded in this country some twenty years ago, has for the past two years published a quarterly, THE RUSSIAN NAVAL RECORDS. A translation of the table of contents is given with each issue, and from this one may gather that the contributions are of much historical interest and some of them worthy of translation into English, especially for their bearing of Russian naval history. Tipical titles are "Materials for the History of the Russian Navy during the Civil War, 1917-1920," "The Siege of Port Arthur", The Beginning of the War with Japan", "Comments of the Peace Conference in 1905".

**
*

Б. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ МОРСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ.

4. Списки сочиненій отдѣльныхъ авторовъ.

в). **БѢЛАВЕНЕЦЪ, Петръ Ивановичъ,** Капитанъ I ранга.

1) **Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ.** Разсказъ для н. ч. къ 100-лѣтнему юбилею дня рожденія. Составилъ по порученію Вице-Адмирала С. П. Тыртова лейтенантъ Бѣлавенецъ. Севастополь. 1902 г. стр: IV+172. 70 картинъ и портретовъ въ текстѣ. Издано въ количествѣ 40.000, изъ нихъ 30.000 пріобрѣтено казной. Ц. 35 коп.

2) **Очаковъ.** Краткій историческій очеркъ по случаю спуска въ Высочайшемъ присутствіи крейсера "Очаковъ" 21 Сентября 1902 г. въ Севастополѣ. 104 стр., 25 картинъ и портретовъ въ текстѣ. 6 отдѣльныхъ плановъ и чертежей. Севастополь. 1902 г Ц. 1 р. 25 к.

3) **Капитанъ 2 ранга Іоганнъ-Рейнгольдъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ,** извѣстный больше подъ именемъ капитана Сакена. СПБ. 1907 г. Изданіе 2-ое. 34 стр. 21 картинъ и портретовъ въ текстѣ. (Первое изданіе — 1903 года).

4) **Лейтенантъ Зацаренный.** Герой русско-турецкой войны 1877-1878 г.г. за освобожденіе болгарскихъ христіанъ. 46 стр., 29 картинъ въ текстѣ. СПБ. 1907 г. Ц. 75 к. Издана на средства О-ва Судостроительныхъ, Механическихъ и Литейныхъ заводовъ въ гор. Николаевѣ, такъ же какъ и предыдущая книга № 3.

5) **Таблица отличій Черноморскаго флота и экипажей.**

6) **Нуженъ ли намъ флотъ и значеніе его въ исторіи Россіи.** Съ портретами и рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. СПБ. 1910 г. II+280 стр.

7) **Подвигъ 300-лѣтняго служенія Россіи Государей Дома Романовыхъ.** Составили капитанъ Толузаковъ и капитанъ 2 ранга П. И. Бѣлавенецъ. Издана съ Высочайшаго соизволенія. СПБ. 1913 г. 341 ст. съ многочисленными иллюстраціями.

8) **Алардъ, К. Книга о флагахъ.** Сочиненіе Карла Аларда, изданное въ Амстердамѣ въ 1705 г. и въ Москвѣ — въ 1709 г. Комментаріи составлены П. И. Бѣлавенецъ. СПБ. 1911 г. 34+98 стр.

9) **Великая побѣда славянъ надъ нѣмцами, (Тевтонами) при** Грюнвальдѣ 15 іюля 1410 г. Петроградъ. 1914 г. изд. П. П. Сойкина. 32 стр. и 1 портретъ.

10) **Объ измѣненіяхъ Россійскаго Государственнаго Герба.** Напечатано въ Вѣстникѣ Имп. Об-ва Ревнителей Исторіи. Выпускъ II. Петроградъ. 1915 г.

11) **Значеніе флота въ исторіи Россіи.** Изданіе 2-ое, съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Петроградъ. 1915 г. 302 стр.

**
*

Примѣчаніе. Къ біографіи П. И. Бѣлавенецъ: Окончилъ: Морской Кадетскій Корпусъ въ 1895 г.; Артиллерійскіе офицерскіе классы; Петроградскій Археологическій Институтъ; Московскій Археологическій Институтъ. Прослушалъ 2-хъ годичный курсъ въ Николаевскій Академіи Генеральнаго Штаба. Въ мартѣ 1916 г. избранъ Петроградской Губернской Ученой Архивной Комиссіей, вмѣстѣ съ Е. П. Абрамовымъ, для осмотра и уясненія значенія дѣлъ Архива Морского Министерства, предназначенныхъ къ уничтоженію. См. также списокъ личнаго состава флота и Мор. вѣдомства на 2-ое Января 1915 г.: Капитаны 2 ранга — **№ 66.**
